

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах Том шестой.
Сибирские рассказы. Рассказы, повести 1893-1897.
Золотопромышленники // "Правда", Библиотека "Огонек", М., 1958
FB2: "rvvg", 11 October 2013, version 1.0
UUID: 1EF20101-1798-4368-B36D-B3DA00738D0A
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Золотопромышленники

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) [25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург] — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.....	0008
#1.....	0008
ЯВЛЕНИЕ I.....	0009
ЯВЛЕНИЕ II.....	0010
ЯВЛЕНИЕ III.....	0015
ЯВЛЕНИЕ IV.....	0019
ЯВЛЕНИЕ V.....	0020
ЯВЛЕНИЕ VI.....	0023
ЯВЛЕНИЕ VII.....	0024
ЯВЛЕНИЕ VIII.....	0025
ЯВЛЕНИЕ IX.....	0027
ЯВЛЕНИЕ X.....	0029
ЯВЛЕНИЕ XI.....	0034
ЯВЛЕНИЕ XII.....	0036
ЯВЛЕНИЕ XIII.....	0039
ЯВЛЕНИЕ XIV.....	0040
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.....	0047
#1.....	0047
ЯВЛЕНИЕ I.....	0048
ЯВЛЕНИЕ II.....	0050
ЯВЛЕНИЕ III.....	0052
ЯВЛЕНИЕ IV.....	0054
ЯВЛЕНИЕ V.....	0057
ЯВЛЕНИЕ VI.....	0058
ЯВЛЕНИЕ VII.....	0063

ЯВЛЕНИЕ VIII	0067
ЯВЛЕНИЕ XII	0068
ЯВЛЕНИЕ XIII	0071
ЯВЛЕНИЕ XIV	0072
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	0079
#1	0079
ЯВЛЕНИЕ I	0080
ЯВЛЕНИЕ II	0083
ЯВЛЕНИЕ III	0088
ЯВЛЕНИЕ IV	0091
ЯВЛЕНИЕ IX	0096
ЯВЛЕНИЕ X	0098
ЯВЛЕНИЕ XI	0103
ЯВЛЕНИЕ XII	0108
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	0112
#1	0112
ЯВЛЕНИЕ I	0113
ЯВЛЕНИЕ II	0116
ЯВЛЕНИЕ III	0117
ЯВЛЕНИЕ IV	0118
ЯВЛЕНИЕ V	0119
ЯВЛЕНИЕ VI	0122
ЯВЛЕНИЕ VII	0126
ЯВЛЕНИЕ VIII	0129
ЯВЛЕНИЕ IX	0131
ЯВЛЕНИЕ X	0132
ЯВЛЕНИЕ XI	0135
ЯВЛЕНИЕ XII	0136

ЯВЛЕНИЕ XIII	0139
ЯВЛЕНИЕ XIV	0140
ЯВЛЕНИЕ XV	0143
ЯВЛЕНИЕ XVI	0144
ПРИМЕЧАНИЯ	0147

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Золотопромышленники
Бытовая хроника в четырех
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Тихон Кондратьевич Молоков — разорившийся золотопромышленник, за 60 лет; носит длиннополый сюртук, рубашку-косоворотку и сапоги бутылкой.

Марфа Лукинишна — его жена, обрюзглая и сырая женщина, за 50 лет; одевается по-раскольничьи в сарафаны, на голове носит большой темный платок.

Анисья Тихоновна — их дочь, 20 лет; одевается по моде.

Поликарп Емельяныч Белонос — ходатай по делам, лет 45; одет в сборный костюм.

Харитон Харитоныч Ширинкин — разорившийся золотопромышленник, старик под 60 лет; носит длинные сюртуки и короткие брюки навыпуск, шею туго повязывает шелковой косынкой.

Иван Тимофеич Засыпкин — золотопромышленник, под 50 лет; одет по моде и заметно молодится

Вася Воротов — воспитанник Засыпкина, молодой человек лет 25; одет прилично, как

одеваются купеческие приказчики.

Действие происходит в Зауралье, в уездном городе Загорье. Сцена представляет большую комнату в доме Молокова. Направо от сцены большой деревянный диван, перед ним ломберный стол; у противоположной стены пустой посудный шкаф и старинные часы. Полдюжины сборных стульев и кисейные занавески на окнах дополняют обстановку.

ЯВЛЕНИЕ I

Белоносов (крепко спит на диване; в дверях слышится осторожный стук и покашливание).

Белоносов (поворачиваясь на другой бок). Сейчас... сейчас... подождите! Только одну минуточку додернуть... (Стук продолomaется. Белоносов поднимает голову и опять бросается на подушку.) Сейчас, говорят вам... Ах ты, господи, умереть спокойно не дадут!.. Только одну минуточку... (За сценой слышится нерешительный голос Ширинкина: «Позвольте-с... это я-с... от Ивана Тимофеича-с!» Белоносов

поднимает голову, зевает и с удивлением оглядывается кругом). Кого там черт принес?.. Какой-то Иван Тимофеич... а мы, должно быть, на другой пароход пересели... та-ак! (Подходит к окну.) Вот так штука... где же это я?.. И сии каменные дома, и сия зеленая колокольня, и сия головная боль... (За сценой голос Ширинкина: «Позвольте-с, Иван Тимофеич будут гневаться...» Белоносов, пошатываясь, подходит к двери и приотворяет ее вполтину.) Какой там черт ломится? А, впрочем, пожалуйста...

ЯВЛЕНИЕ II

Белоносов и Ширинкин.

Ширинкин (пролезая в дверь). Мне-с... мне-с... Иван Тимофеич послали узнать-с... Уж вы извините... хе-хе!.. собственно, насчет приезда Тихона Кондратьича-с... Точно так-с!

Белоносов (разводит руками). Ничего не понимаю... нынче на пароходах черт знает какие порядки: человек спит, а тут в каюту врывается всякий прощелыга!..

Ширинкин. Никак нет-с, не прощелыга, а бывший золотопромышленник, Харитон Харитоныч Ширинкин... да-с!..

Белоносков. Нечего сказать, очень похож на золотопромышленника... очень!

Ширинкин. Точно так-с... А Тихон Кондратьич изволили прибыть некоторым образом... хе-хе!.. вот Иван Тимофеич и послали узнать об их здоровье и всякое прочее. Да-с.

Белоносков (в раздумье). Иван Тимофеич... Тихон Кондратьич... черт иваныч... Харитон... ну, как вас величать-то, черт вас возьми?

Ширинкин. Харитон сын Харитонов... Нас было семь братьев Ширинкиных, а когда покойный родитель, — пошли им, господи, царство небесное! — померли-с...

Белоносков. Да, да... помню, помню, действительно Харитон Ширинкин. Отлично... А все-таки, это черт знает что такое!.. Послушайте, вы, один из семи братьев Ширинкиных, как вы полагаете относительно моего местонахождения в данный момент, то есть где я?..

Ширинкин. Как где-с? В городе Загорье-с...

Белоносков. Та-ак-с. А Загорье, по-вашему,

где?..

Ширинкин. Загорье-с?.. А Загорье, выходит, в Сибири, сейчас за Уральскими горами...

Белоносов. Это, значит, в местах не столь отдаленных... странно, черт возьми!.. Был на ярмарке в Нижнем, зашел в трактир, и вдруг...

Ширинкин. Это Тихон Кондратьич привезли вас, и все тут-с. Хе-хе... они весьма любят удивлять публику.

Белоносов. Так, так... Начинаю припоминать, как во сне: трактир, пароход, буфеты и коньяк, коньяк, коньяк! Прямо по коньяку в Сибирь приплыл... Послушайте, Ширинкин, вы за кого меня принимаете?

Ширинкин. Я-с?.. хе-хе!.. то есть мы наслышаны были-с, что Тихон Кондратьич из Нижнего шута привезли. Вот я-с, грешный человек, между прочим, и любопытствовал взглянуть-с...

Белоносов. Следовательно, вы меня в шуты записали?

Ширинкин. Что же-с, и я в этом звании состоял при Тихоне Кондратьиче-с... Сначала оно, точно-с, претит, а потом ничего, привык-

нете помаленьку. Хе-хе...

Белонос (садится на диван и ощупывает свою голову). Ох, ничего, решительно ничего я не понимаю... Кто из нас здесь шут, или оба мы шуты, или черт знает что!..

Ширинкин (усаживается на кончик стула к столу). Нас было семь братьев, и от покойника родителя осталось на зсех — три прииска, движимость и капитал-с. Ну, учили мы промежду себя наследство делить — спор и грех, а Иван-то Тимофеич и говорит: «Выдайте, говорят, полную доверенность на мое имя...»

Белонос. Иван Тимофеич сначала всех семерых братьев раздел до рубашки, а потом вас в шуты определил к Тихону Кондратьичу?.. История обыкновенная...

Ширинкин. Точно так-с... Только Иван Тимофеич — это такой человек, такой человек!.. А я в шутах у Тихона Кондратьича, действительно-с, много греха на душу принял-с... Беда, ежели Тихон Кондратьич развеселятся — не приведи, царица небесная!.. Раз в скатерть меня завязали и в воду бросили... чуть тогда не захлебнулся. Только я вам откровенно ска-

жу: все претерпел, а только есть здесь (тайно-
ственно оглядывается) один доктор...

Белоносков. И он тоже в шутах состоит?..

Ширинкин. Нет-с, это уж совсем другое-с...
хе-хе!.. Тихон Кондратьич очень сумлитель-
ны насчет здоровья — чуть что поприitchится,
боже сохрани!.. Сейчас за доктором, а док-
тор — лекарство. А Тихон Кондратьич ни за
что не станут одни лечиться: что им делать,
то и вы должны... то есть вы-то впереди его.
Примерно, у них несварение желудка, я и дол-
жен касторовое масло пить, а потом уж они...
Страсть сколько я с ними лекарства перепил:
и липовый цвет, и цитварное семя, и алексан-
дрийский лист... Совсем здоров, а должен
пить-с! Таким родом я, может, целую аптеку
выпил, и ничего-с... А вот хуже, когда к живо-
му месту начнут пьявок наставлять да банки,
да мушку шпанскую наклепят-с... Ну, я из вся-
кого терпения выступил и ушел к Ивану Ти-
мофеичу... Моченьки моей не стало терпеть
дольше.

Белоносков. Ха-ха!.. Вот так история!..

Ширинкин. Восстал: не могу, и конец де-
лу!.. С тем и ушел, а теперь вот при Иване Ти-

мофеиче состою-с...

Белонос (хохочет). Однако, черт возьми... ха-ха! Задали вы мне задачу... вдруг у Тихона Кондратьича зубы заболят или насморк сделается... Ха-ха!..

Ширинкин. Теперь средство есть против них... словечко такое: вседоним. Только скажите, и все как рукой снимет...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Анисья Тихоновна (входит из дверей направо).

Анисья Тихоновна (строго). Кто здесь смеется?

Ширинкин. Это мы-с... извините. Анисья Тихоновна, позвольте ручку, с благополучным прибытием поздравить в наши палестинские места-с.

Белонос (расшаркиваясь). И мне ручку, несравненная Анисья Тихоновна. (Целует у нее руку). Ах, ручка-то какая: беленькая да атласная... Скажите, ради бога, где я нахожусь в данный момент времени?

Анисья Тихоновна. Отвяжитесь... я сама,

кажется, ничего не понимаю, что делается кругом меня.

Ширинкин. Это вы насчет вседониму-с? хе-хе...

Анисья Тихоновна. Ну, да... и относительно псевдонима и относительно всего остального. Скажите, пожалуйста, жила я у тетки в Нижнем, потом вдруг является родитель, тащит с собой в Сибирь, а дорогой сам ото всех прячется, выдает себя за какого-то другого... черт знает что такое!.. Приезжаем сюда — здесь все точно после пожара. Мать говорит, что мы разорены, а сама ничего объяснить не умеет... Ведь отец у меня, Харитоша, богатый?

Ширинкин. Точно так-с... были при капитале-с.

Анисья Тихоновна. Как были? а теперь?

Ширинкин. А теперь все движимое и недвижимое за Ивана Тимофеича перешло-с... Пока ваш тятенька по Расее под вседонимом скрывали себя, Иван Тимофеич все на себя перевели.

Анисья Тихоновна. Ничего не понимаю... У отца было тысяч двести наличного капитала, в Нижнем все меня за богатую невесту

считали, а тут извольте радоваться: нищая... Нечего сказать, на радость приехала — в доме даже прислуги нет. Господи, да что же это такое, наконец? Какой-то дурацкий псевдоним, потом этот Иван Тимофеич...

Белоносков. Превратность судьбы, несравненная Анисья Тихоновна... а мне, знаете, кажется, что мы будто все еще плывем на пароходе. Ей-богу...

Анисья Тихоновна. Не с вами говорят... ступайте, проспитесь хорошенько сначала.

Ширинкин. А я вас, Анисья Тихоновна, еще вот такой маленькой девочкой нашивал на руках-с. Да-с. А теперь вы настоящая барышня сделались и, можно сказать, превзошли самих себя красотой-с. Хе-хе. Иван Тимофеич (таинственно) нарочно прислали меня справиться насчет вас, потому как они видели вас в окно-с и очень были тронуты вашей красотой-с. И Елена Ивановна приказали кланяться-с...

Анисья Тихоновна. Лена?

Ширинкин. Точно так-с... Тоже уж девица на возрасте и весьма заневестилаась.

Анисья Тихоновна. Да, Лена теперь бога-

тая невеста, а я нищая... Будем калачи стряпать да продавать... (Садится на диван и плачет.) Все отлично... да.

Ширинкин (тоже плачет). Напрасно вы огорчаетесь, Анистья Тихоновна... Бог даст, все по-старому наладится. Такая уж наша золото-промышленная часть: сегодня богат, тысячи в кармане, а завтра гол, как сокол... Ей-богу, Анистья Тихоновна, дайте срок тятеньке в себя прийти, у них легкая рука на золото.

Анистья Тихоновна (сквозь слезы). Да, поправится все... на другой бок. Тятенька в шуты запишется к Ивану Тимофеичу... мы — калачами торговать... Нет, я сама сейчас пойду к Ивану Тимофеичу и допрошу его... (Порывисто вскакивает с места.) Позор... бедность... нищета.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Воротов.

Анисья Тихоновна. Ах, это ты, Вася...

Воротов (пытится к дверям). Я-с, то есть меня послали Иван Тимофеич...

Анисья Тихоновна. Что же ты со мной-то не здороваешься... а?... али не узнал, Вася?..

Воротов (оглядывается). Как не узнать-с, Анисья Тихоновна, только могут войти-с... Я так и скажу Ивану Тимофеичу, что видел и прочее-с... (Продолжает двигаться к дверям, но Анисья Тихоновна берет его за руку и выводит на середину комнаты.)

Анисья Тихоновна. Нет, постой, Васенька, не пущу... давно я тебя не видала, надо поговорить.

Воротов. Позвольте-с, право, кто-нибудь войдет... нехорошо-с. Да и какие у нас разговоры, Анисья Тихоновна...

Анисья Тихоновна (отступает от него). Вот как... отлично, Васенька, очень хорошо. Умел девушку миловать да ласкать, умей и ответ держать. Харитоша, ступай в столовую и дай

господину Белоносову червячка заморить...

Ширинкин. Это относительно водки-с?..

Белоносов (уводит его под руку). Сказано: червячка заморить, значит и водки, и коньяку... (Оглядывается на Воротова). Молодец-то, должно быть, крепко попался... ха-ха!.. Хорошенько его, милая барышня... (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ V

Анисья Тихоновна и Воротов.

Анисья Тихоновна (быстро подходит к Воротову и берет его за руки). Вася... Васенька... посмотри на меня!.. Али забыл, как прежде миловались... да говори же, я тебя, кажется, русским языком спрашиваю!..

Воротов (старается освободить свои руки). Мало ли что было, Анисья Тихоновна: было да сплыло и быльем поросло... Теперь уж совсем другой разговор. (Оглядывается.) Право, кто-нибудь войдет...

Анисья Тихоновна. Эх, Вася, Вася, коротка твоя совесть... Видно, любишь за хозяйскими дочерьми ухаживать?.. богатства ищешь?.. Не говори: сама все знаю... Если бы я была бога-

тая, так и ты по-прежнему за мной бы бегал... так ведь?.. Помнишь, как на санках зимой вместе катались, как летом к нам в сад лазил?..

Воротов. Ну, уж теперь извините: мы свой термин тоже очень хорошо понимаем... Богатство — богатством, а ежели душа к человеку не лежит — это уж особенный разговор.

Анисья Тихоновна (не слушает его). Говори прямо: за Ленкой ухаживаешь? У, постылый, по глазам твоим все вижу...

Воротов. Это уж наше дело... Елена Ивановна — точно, что девица примерная.

Анисья Тихоновна. И этого человека я любила... ха-ха!.. Ну, что в нем? Вот за эту круглую рожу любила, за глаза, за прибаутку да песню... а он на меня и смотреть не хочет!.. Сколько мне от отца досталось из-за тебя, постылый человек; из-за тебя и в Нижний сослали: я о нем так плачу да сокрушаюсь, а он с другой утешается... Васька, слышал ты когда-нибудь, что есть на белом свете совесть?..

Воротов. Совесть — это когда человек замутится немножко... у другого совсем и звания нет этой самой совести. Так, самые отча-

янные люди бывают...

Анисья Тихоновна. Да, бывают и отчаянные, а вот ты — так тряпица... Дунуло в одну сторону, ты сейчас и хвост по ветру. Взглянули ласково — растаял; отвернулись — позабыл. И обманешь, и продашь...

Воротов. Это уж как вы знаете, Анисья Тихоновна, а только и у нас своя амбиция есть...

Анисья Тихоновна. И он еще говорит!.. амбиция?.. Ох, убила бы я тебя, Васька, ежели бы ты не тряпица был... Хуже ты всякого зла; душонкой своей поганой вертишь, как собака хвостом!..

Воротов. Уж я лучше уйду-с...

Анисья Тихоновна. Не смеешь... нет, убирайся к черту! (Воротов идет к дверям, но она его ворочает с полдороги.) Васенька, голубчик, постой... что я тебе хотела сказать-то?.. Да, вот что: любит тебя Лена, очень любит?..

Воротов. Пустое это дело самое, Анисья Тихоновна... Разе я смею говорить такие слова про Елену Ивановну...

Анисья Тихоновна. И тут соврал... ну, да все равно: пусть мое пропадает, не хочу у Лены отнимать такое сокровище... ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Белоносов и Ширинкин.

Белоносов (входит, пошатываясь). Ну, **Б**несравненная Анистья Тихоновна, глухая исповедь кончилась?..

Анистья Тихоновна. Все кончилось... да.

Воротов. Наше почтение-с, Анистья Тихоновна.

Анистья Тихоновна. Постой... (Осматривается, в раздумье.) Я тоже с тобой пойду. Надо мне Лену увидеть... (Уходит с Воротовым).

ЯВЛЕНИЕ VII

Ширинкин и Белоносов.

Ширинкин (тяжело вздыхает). Огонь, а не девица-с.

Белоносов (ложится на диван). Ничего ба-рышня... антик с гвоздикой, коленкор.

Ширинкин. И еще как хороша-то... Всеми, бывало, в дому командует, когда еще маленькой была: все по ее делай. Ну, конечно, теперь уж на возрасте и прыти той нет, а все-таки огонь-с... Глазки-то, как бральянты, так и горят... (Таинственно:) только вот небольшая заминочка с этим Васей вышла было... По этой самой причине Тихон Кондратьич и в Нижний к тетке ее увозили, а теперь вот оно что вышло. Жаль глядеть-то на нее, право...

Белоносов. Хороша Маша, да не наша... у меня свои брильянты-то не хуже были, ну, да это все вздор, а вот как бы еще выпить... а?..

Ширинкин. Не могу-с... Червячка заморили, и довольное. А вон никак сами Тихон Кондратьич сюда изволят жаловать... (Отходит на цыпочках к двери.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Белоносов, Ширинкин и Молоков (останавливаются в дверях).

Молоков. А, два сапога — пара, два умника тоже... (Хрипло смеется.) Который которого у вас умнее... а?..

Белоносов. Позвольте, милостивый государь, я не позволю с собою такого обращения... я...

Молоков. Хорошо, хорошо, с тобой будет особый разговор, а мне сперва вот с этой птицей надо побеседовать...

Ширинкин (кланяется издали). Меня-с прислали Иван Тимофеич и велели поздравить с благополучным прибытием.

Молоков (оглядываясь). Тш... чего хайло-то растворил?.. «С прибытием»... Я вам такое прибытие пропишу с Иваном Тимофеичем, что вы у меня... в один узел всех завяжу! Слышал? Так и своему Ивану Тимофеичу скажи...

Ширинкин. Иван Тимофеич такой человек, такой человек...

Молоков (Белоносову). Ишь, какого дура-

ка валяет... а?.. А ты вот что, Харитошка: ежели кто тебя спросит про меня, так и скажи, что я без вести пропал... особенно ежели становой. Ох-хо-хо... То есть, кажется, взял бы да и перекусал их всех пополам: жилы из меня тянут. А так и скажи Ивану Тимофеичу: разорву, как кошку...

Белоносов. Тихон Кондратьич, у меня что-то во рту пересохло...

Молоков. погоди, говорят, твоя часть впереди... А ты, Харитошка, оборудуй сперва на счет закуски и выпивки. Да и мою-то дамуvedi сюда. Хочу окружной суд показать.

(Ширинкин на цыпочках уходит в дверь направо.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Молоков и Белоносов.

Молоков (грузно садится на диван и кладет руки на стол). Ну, вот, Белоносов, теперь мы с тобой на одном положении: ты — отставной козы барабанщик, я — в проходном ряду ветром торговать... Недаром я тебя вез такую даль, милаш: первое дело — ослобоняй меня из-под вседониму.

Белоносов. Могу...

Молоков. Ах ты, судорога, не узнавши дела, да «могу». А ты слушай... Нашел бы я обвокатов в Загорье даже очень достаточно, да уж больно они у нас вороваты. Иван-то Тимофеич всех их купит. Ну, вот я и придумал, когда мне надоело под вседонимом скрываться: привезу, мол, своего собственного обвоката позубастее, да и направлю на Ивана Тимофеича... Так?

Белоносов. Могу...

Молоков. Опять вышел дурак!.. тьфу!..

Белоносов. Позвольте-с, я не привык к такому обращению...

Молоков. Да ты дело-то слушай, ежовая голова... У всех у вас одна замашка-то: пустой колос кверху голову носит. Ну, да черт с тобой... Видишь ли, милаш, наша золотая часть совсем особенное дело: как это в писании-то говорится — «Аврам роди Исака, Исаак роди Якова», а у нас: «Аврам разори Исака, Исаак разори Якова»... Плут народ! Взять того же Ивана Тимофеича — человек пять разорил, начиная с Харитошки, а теперь вот меня утопил. Был у нас один становой, Краснопёров, ну, я его под пьяную руку по физимордии и черкнул... Иван же Тимофеич и научил меня, потому как сердит был на Краснопёрова. Хорошо. По старым судам меня на высидку в острог на год... У меня прииски были, капиталу за сто тысяч и вдруг! пожалуйста в острог, Тихон Кондратьич. А Иван Тимофеич меня опять и поджег: «уезжай, говорит, под вседонимом, а я все дела охлопочу... Один, говорит, купец эк-ту годов двадцать спасался!» Сдуру-то я и согласись! перевел прииски на имя жены, капитал ей передал, весь дом, а сам в бега ударился. А пока я бегал, Иван Тимофеич все за себя и перевел... Понял теперь?

Белоносков. Подлог и присвоение чужой собственности.

Молоков. Так вот ты меня сперва из вседониму выпутай, а потом добро будем ворочать назад.

Белоносков. Могу...

Молоков. А теперь, как, значит, у меня дочь на возрасте и как, значит, Иван Тимофеевич приспособил ей такое приданое, я и хочу показать, каков я есть человек. По всей форме... Так я говорю?

Белоносков. Совершенно верно...

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Ширинкин (несет поднос с водкой и закуской) и Марфа Лукинишна.

Молоков (Белоноскову). Вот и моя дама, законная супружница. Поглядеть на нее, так дерево деревом, а вот как обула меня на обе ноги. Я сейчас же и следствие произведу, и окружной суд, и собственноручную резолюцию... Ну, Марфа Лукинишна, наша дражайшая сожительница, подходите-ка поближе к столику. Вот мы с господином обвокатом бу-

дем водку пить, а ты нам показание делай на всей чистой совести, сколько у тебя ее осталось. А ты, Харитошка, в свидетелях... А как же мы без подсудимой скамьи, Белоносов?

Белоносов (наливая рюмку). Ничего, в экстренных случаях и без скамьи можно... (Пьет.) Это полевым судом называется.

Молоков. Нет, я окружным хочу...

Белоносов. Полевой строже окружного... ух, какая тепленькая рюмочка попалась!

Молоков (жене). Ну, ты чего там чучелом-то гороховым стоишь? Подходи к столу, а ты, Харитошка, у дверей стой...

Марфа Лукинишна (бросается в ноги мужу). Ох, родимой мой, не погуби... ничего я не понимаю, ровнешенько ничего!.. Все он, все Иван Тимофеевич, а я стара стала... глупа... (Плачет и закрывает лицо платком.)

Молоков (грозно). Будет реветь, говори толком. Здесь ведь не тياتр... ну?.. (Топает ногой.)

Марфа Лукинишна. Ох, скажу, все скажу... как на духу. Ты тогда убежал... Тихон Кондра-тьич, голубчик! совестно до смерти перед посторонним мужчиной. Ради Христа, ослобони

ты меня...

Молоков (бьет кулаком по столу). Все врешь... Сказано: говори, как омманывала меня. Недаром же я такую даль тащил вот этого прощелыгу... (Указывает головой на Белоносова).

Белоносов. Вы забываетесь... я не позволю! (Вскакивает.)

Молоков (Белоносову). А тебя кто спрашивал, судорога?.. К слову сказано... (Жене.) Ну, милая дама...

Марфа Лукинишна. Как ты тогда, Тихон Кондратьич, сбежал с вседонимом-то...

Молоков. Не сбежал, а просто уехал... псы бегают.

Марфа Лукинишна. Ну, как ты уехал, Иван-то Тимофеич вскоре и начал захаживать ко мне. Я-то вижу, што у него недоброе на уме, а он, нет-нет, да и завернет... потом — того, начал меня сильно смущать. Говорит, что ты этот вседоним для отводу глаз на себя накинул, а сам к немкам уехал. Сейчас провалиться... ну, мне в те поры это очень обидно показалось, а Иван Тимофеич в сердцах-то меня кругом и обошел, точно темноты напу-

стил. На бумаге кресты ставила... он бумагу принесет, а я крест поставлю. Только всего и было. А уж потом по бумаге-то пристав приехал...

Молоков (Белоносову). Ты будешь прокурором... (Другим тоном.) Господин прокурор, слышали?

Белоносов. Да, слышал... Подсудимая, как же вы решились ставить кресты на неизвестной вам бумаге?

Марфа Лукинишна. А Иван Тимофеич письмо мне читал, голубчик, будто от Тихона Кондратьича письмо и в письме, чтобы я приiski сдала Ивану Тимофеичу в аренд. Все на бумаге было прописано...

Молоков. А не читал он тебе на бумаге, что ты самая и есть лишенная ума?

Марфа Лукинишна. Нет, не упомню... этого как будто не было в бумаге. (Заметив грозный взгляд мужа, торопливо прибавляет.) А может, и было... запомнятовала я, родимой мой!..

Молоков. Господин прокурор, вот видите, какое дерева смолевое эта самая дама? Она меня нищим сделала... Два лучших прииска в

аренду Ивану Тимофеичу отдала да векселей ему написала, — все имущество и порешила. Это как?

Белоносков. Ничего, приданое хорошее...

Молоков. Харитошка, а ты помогал им?

Ширинкин. Я ничего не знаю-с, Тихон Кондратьич. Темный человек-с, и дело наше маленькое-с.

Молоков. У всех у вас маленькое дело, а дурь огромная... Ты вместе, поди, с Иваном-то Тимофеичем смуцал мою даму?..

Ширинкин. Отсохни рука-нога, Тихон Кондратьич, ежели...

Молоков. Ну, да все равно: один черт... Господин прокурор, теперь какую мы резолюцию устроим моей-то даме? А ты, любезная наша сожительница (возвышает голос и стучит кулаком), так и чувствуй, что я из тебя лучины нащеплю! в порошок изотру!.. (Вскакивает с места и засучивает рукава.)

Марфа Лукинишна (закрывает глаза). Ох, смерть моя...

Ширинкин (заглядывает в окно). Кто-то подъехал... на паре... вдвоем...

Молоков (шепотом). Ежели меня кто спро-

сит, Харитошка, так и скажи, что без вести пропал... (Убегает в двери направо, за ним жена.)

Белонос (захватывает бутылку с водкой). Если председатель убежал, так прокурора и бог простит... (Убегает в ту же дверь.)

Ширинкин (мечется по комнате). А я-то куда денусь?.. ай, батюшки... (Прячется за шкаф.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Ширинкин и Анисья Тихоновна

Анисья Тихоновна (заходит в летней накидке и в шляпе; не замечая спрятавшегося за шкафом Ширинкина, садится к столу). Все кончено... все потеряно. Васька-то хорош!.. Божился, клялся тогда, а теперь этой Ленке в глаза смотрит. И чего он в ней нашел?.. Вот и приехала, Анисья Тихоновна, и получила... ха-ха!.. А я-то, дура, сколько слез пролила, сидючи в Нижнем... Конечно, Елена Ивановна — богатая невеста, вот он слюнки и распустил. (Вытирает глаза платком.) Ну, видно, прошлого не воротишь, надо учиться по-

новому жить... А Васька-то, подлец, еще лучше стал и все такой же лупоглазый. Ох, и любила я его, вот как любила.

Ширинкин (покашливая, выходит из-за шкафа). Уж вы так, Анисья Тихоновна, перепугали нас всех... так перепугали... Хе-хе!.. Полевой суд у нас был, мамыньку вашу судили, а я глянул в окошко: трах! на паре кто-то, ну, весь наш суд и разбежался. Хе-хе... А меня здесь оставили...

Анисья Тихоновна (не слушая его). Вот что, Харитоша, любила девка парня, а парень оказался подлецом... Что теперь этой девке делать, если она душу свою отдала?..

Ширинкин. Не смею сказать, Анисья Тихоновна, маленький я человек-с.

Анисья Тихоновна. Однако, что бы ты сделал, Харитоша, на месте этой девки... а?..

Ширинкин. А взял бы да и плюнул-с... ей-богу, плюнул-с. Да разе белый-то свет клином сошелся, Анисья Тихоновна?

Анисья Тихоновна. Верно ты говоришь, Харитоша... отлично!.. Ну, иди сюда, я тебя поцелую... да иди же, не бойся. (Берет его за голову и целует). Теперь я знаю, что делать...

опять веселая буду, Харитоша. Помнишь, какая я раньше была?

Ширинкин. Как не помнить-с... хе-хе!..

Анисья Тихоновна. Ах, что я здесь болтаю с тобой: Иван Тимофеич ждет меня на улице. Вот что, Харитоша: ты иди и скажи родителю, что Иван Тимофеич желает его видеть... (Ширинкин торопливо уходит, а Анисья Тихоновна подходит к окну, отворяет его и кричит.)
Пожалуйте, Иван Тимофеич!

ЯВЛЕНИЕ XII

Анисья Тихоновна и Засыпкин (входит, оглядываясь).

Засыпкин (целует руку Анисьи Тихоновны).
А уж как я рад, что вы приехали к нам, Анисья Тихоновна... Так рад, все равно, как ангел слетел с неба. Ей-богу... И какие вы из себя стали, Анисья Тихоновна: одна красота. Раньше были хороши, нечего греха таить, а теперь превзошли самих себя, можно сказать... да.

Анисья Тихоновна (кокетливо). Будто уж я такая красивая?..

Засыпкин. Помилуйте-с, да какая же еще после этого красота может быть? Не будь у меня Лены, я сам помолодел бы для вас этак лет на двадцать, а теперь как будто немножко устарел...

Анисья Тихоновна. Нет, еще ничего... Годика два подержитесь, а там уж не знаю как...

Засыпкин. Вот вы и смеетесь надо мной... Конечно, ваше дело молодое, Анисья Тихоновна, а только я вам вот что скажу: если будете выходить замуж, не берите молодого мужа. Мотоваты уж очень нынешние-то молодые мужья, а вы берите мужа постарше — этот будет понадежнее. В лебяжьем пуху будет этакую красоту соблюдать, золотом осыплет, ветру не даст пахнуть... Вот как старички-то любят!..

Анисья Тихоновна. Да я и не собираюсь замуж: кому неволя брать девушку из разоренного дома... Вот вы разорили отца, а теперь и заговариваете о старичках. Пойдешь и за козла, когда есть нечего будет...

Засыпкин. Ах, не нужно такие слова говорить... совсем не нужно. Ваше молодое дело: веселитесь, радуйтесь, песни распевайте, а уж

мы вас устроим... да! И женишка приспособим...

Анисья Тихоновна (капризно). Бедного мне не нужно, а за богатого я и сама не пойду... будет после корить своим-то богатством. Очень нужно...

Засыпкин. Сейчас и загорелись: не хочу да не пойду... А вы погодите, все устроим помаленьку. Я вон давеча даже прослезился, как увидел вас: ангел слетел... Так прямо и говорю Лене: «Лена, нам бог ангела послал». Вот только Тихон Кондратьич напраслиной меня обнесли... За этим и приехал сюда, потому как все напраслина.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Молоков (останавливается в дверях).

Засыпкин (идет навстречу). Тихон Кондратьич... вот удивил-то!.. Не ждали, не гадали, а он как снег на голову...

Молоков (показывает на дверь). Вон, сатана!..

Засыпкин. Да вы извольте выслушать меня, а уйти-то всегда успеем-с...

Молоков. Вон!! ничего и слышать не хочу... Ты меня по миру пустил на старости лет... Всех обошел, сатана, всех обманул, всех оплел... вон!! И чтобы духу твоего не пахло, а то я тебя расшибу на мелкие крохи... слышал? (Принимает угрожающую позу.) Уходи, сатана...

Анисья Тихоновна. Тятенька, вы дайте Ивану Тимофеичу хоть слово сказать, а то что же это такое...

Засыпкин. Нет, Анисья Тихоновна, вы не знаете тятенькиного характера: им уж дайте все сперва выложить, душу отвести... Ниче-

го, не впервой нам от них принимать мораль-то...

Молоков (бросается на Засыпкина с поднятыми кулаками). Ах ты, змеиная кровь... жи-лы пришел из меня тянуть, а?.. Мне что? мно-го ли мне, может, и на свете жить? а ты вот ее (указывает на дочь) нищей сделал. Хорошее приданое и ей и мне устроил... Уходи, сатана, коли хочешь жив остаться!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Белоносов (входит, пошатываясь).

Белоносов (смотрит попеременно на всех).
Ничего не пойму... а кажется, что все еще на пароходе едем. Рожи какие-то...

Засыпкин. Это еще что за строкулист?

Молоков. А это я гостинца тебе из Нижне-го привез... с волчьими зубами гостинец-то. Эй, господин прокурор, подойдите-ка сюда и полюбуйте: это вот и есть Иван Тимофеич Засыпкин, сатана и Гришка Отрепьев, кото-рый взнуздал меня вседонимом-то.

Белоносов. Ничего, хорош гусь... имею

честь отрекомендоваться: отставной титулярный советник Поликарп Емельянов Белоносов. Только как же это так: мы его судить будем, а он тут с барышней переглядывается... Нет, видно, я все еще на пароходе!

Молоков. Нет, ты послушай, Белоносов, сатану-то: какие он слова выговаривает... И совести в нем хоть бы искра!..

Засыпкин. Позвольте-с и мне свое слово сказать, Тихон Кондратьич... Вы вот меня краденым корите да совестью глаза тычете, я и пришел для этого. Теперь и Анисья Тихоновна здесь, и я при них все скажу: все им приданое справлю, как родной дочери... да-с.

Анисья Тихоновна (отцу). Слышишь?

Молоков (машет обеими руками). Врет, все врет... Веревку тебе наденет да своими руками задавит — вот тебе и приданое, доченька. Ха-ха... (Засыпкину.) Ванька, уходи от греха...

Засыпкин. Ах, какие вы, Тихон Кондратьич, никакого ладу с вами нет. Кричите, орете на всю улицу: «Разорил, ограбил...» Хорошо-с, допустим, что я точно бы ограбил вас, а совесть-то все-таки в каждом человеке есть, хоть и самая завалящая... Как бы я к вам на

глаза показался с нечистой-то совестью? Так я говорю? С нечистой совестью обходят людей за версту-с... Теперь ежели я опять пришел к вам с корыстью какой, так ведь у вас ничего нет. Так я говорю?..

Молоков (Белоносову). Ты его послушай, ирода... вон какие петли да крючки выметывает.

Белоносов. А неглупый человек, черт возьми!.. Ну-с, Иван Тимофеич, продолжайте... (С важностью садится на диван.)

Засыпкин (уже смело и с жестами). Теперь нужно то рассудить: кто в Загорье-то вашего неукротимого карахтера не знает, Тихон Кондратьич? И к этакому-то человеку я с своей подлостью пойду, чтобы он меня на месте решил, как последнюю мышь... Рассудите, господин адвокат, своим собственным разумом, а я принял от Тихона Кондратьича всякое поношение в полной форме, вот при них, при Анисье Тихоновне, которых считаю прямо за ангела.

Молоков (долго смотрит в глаза Засыпкину и качает головой). Ванька, Ванька, не змей ли ты после этого? (Садится к столу и подпи-

рает голову руками.)

Анисья Тихоновна (ласкается к отцу). Ну, тятенька, будет сердиться: этим дела не поправишь...

Засыпкин. И даже весьма это вредно, Тихон Кондратьич, при таком-то составе тревожить себя.

Молоков (со слезами в голосе). Эх, Ваня, Ваня... ведь я тебя еще совсем мальчонкой знал, когда ты у старика Ширинкина жил, а что ты теперь-то делаешь... а? Опомнись, Ваня... кто тебя в люди-то вывел, а? (Стучит себя в грудь.) Вот где ты мне сидишь... Анисушка, доченька милая, вот тебе мой родительский наказ: бойся ты этого человека пуще огня... слышала? Эх, Ваня, не так я о тебе думал... Голову-то свою пожалей... золотая у тебя ведь голова!..

Засыпкин (бросается на колени). Тихон Кондратьич... неужели я бесчувственный зверь какой, а?

Молоков (дочери и Белоносову). Вот смотрите на него, а я расскажу вам одну его штуку. Лет пять тому назад совсем было я разорился, и только всего осталось, что одно ме-

сто для прииска, хорошее место. Весна, деньги надо — к тому, к другому из приятелей, все жмутся. Я к нему... (Тычет на Засыпкина.) «Дай три тыщи, а что добуду на новом прииске за лето — барыши пополам...» Дал без всякого слова и расписки не взял, потому знает мой характер: не оману. Тогда я этот самый прииск и оборудовал, да к рождеству вот этому самому Ваньке семнадцать тысяч голеньких и выложил. Было это, Иван Тимофеич?

Засыпкин. Точно так-с... чужое добро весьма нехорошо забывать.

Молоков. Да, ты и не забыл... отплатил... отнял, любезный, у меня, а меня под вседоним запятил.

Белоносков. Вот это ловко!.. ха-ха...

Засыпкин. Послушайте, Тихон Кондратьич, напрасно вы на меня тень наводите... Конечно, я считаю Анисью Тихоновну за ангела, а все-таки они наших дел с вами понимать не могут.

Молоков. Это точно, что наши дела мудреные... Пожалуй, не скоро разберешь, кто кого дерет.

Засыпкин (целует руку Анисьи Тихонов-

ны). Ангел прилетел... ангел!.. А ручки-то какие, ручки...

Белоносков. Позвольте, милостивый государь... Тихон Кондратьич, что же это такое?.. Ведь мы его судить еще будем...

Засыпкин. Суд судом, а я вот насчет приданого давеча говорил, так надо эту речь кончить.

Анисья Тихоновна. Да, да, вы обещали, Иван Тимофеич.

Засыпкин. Обещал-с, это точно, и женишка обещал... помните?..

Молоков. Ну, жениха-то мы и без тебя найдем, ежели дело на то пойдет...

Белоносков. Тихон Кондратьич, а знаете, куда этот милостивый государь угол загибает: он ведь сам в женихи к Анисье Тихоновне таращится...

Молоков (вскакивает). Што-о?! Ванька, да как ты смеешь... а?..

Засыпкин. Позвольте-с, Тихон Кондратьич, я еще ничего не сказал... Нужно еще сначала спросить вот Анисью Тихоновну, пойдут ли они за такого старого. То есть, я это к примеру говорю... для шутки...

Молоков (задыхающимся голосом). Вань-ка... уходи отсюда, коли жив хочешь быть... Так вот для чего ты меня разорил, окаянная душа... Господи, да что же это такое?.. Анисья, гони его в три шеи...

Анисья Тихоновна (кокетливо). Тятенька, я, право, не знаю...

Молоков (бросается к Засыпкину). А я так знаю... Ванька, я из тебя двоих женихов сейчас сделаю!!

Засыпкин (бежит к двери). Уйду-с... сам уйду!..

Белоносов (хохочет). Катай его... ха-ха-ха!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Иван Тимофеич Засыпкин.

Анисья Тихоновна, его жена.

Лена, дочь Засыпкина, девушка 18 лет.

Воротов.

Мосевна, старая нянька Лены, за 70 лет, носит косоклинные сарафаны и темные платки с горошком.

Ефрем Чепраков, господин неопределенных лет, старается держаться джентльменом, носит пенсне; служит у Засыпкина чем-то вроде чиновника особых поручений.

Ширинкин.

Белоносов.

Даша, горничная.

Действие происходит в доме Засыпкина. Сцена представляет богатую гостиную; прямо — входная дверь, налево у стены диван с двумя креслами и десертным столом, направо дверь в кабинет Засыпкина. На полу ковер, на окнах тяжелые драпировки, у окна жардиньерка, в углу горка с серебром, на стенах несколько картин в тяжелых золотых рамах.

ЯВЛЕНИЕ I

*Мосевна (вытирает пыль с мебели) и
Ширинкин.*

Мосевна. Ты что же это, Харитонушка, без всякого дела толчешься тут? Право, хоть бы вон небель обтирал, все же занятие тебе, а то замаялся без дела-то...

Ширинкин. Как это без дела? Да вот который месяц пошел, как, высуня язык, бегаем по городу-то... «Харитоша, сходи туда! Харитоша, сходи сюда!» Ну, и ходишь, как маятник, из стороны в сторону. Только уж и Анисья Тихоновна! то ей подай, другое подай, третье принеси — загоняли-с... Вот так барыня, настоящий бенгальский огонь.

Мосевна. Это Ленушка-то?

Ширинкин. Какая тебе Ленушка — Анисья Тихоновна-с.

Мосевна. Какая же это Анисья?.. ровно, никакой Анисьи у нас нет?.. У Молоковых Анисья была, да и та замуж вышла.

Ширинкин. А за кого замуж-то?.. Иван-то Тимофеич на ком женился? Слава богу, никак

семой месяц пошел.

Мосевна. Чего-нибудь пугаешь, Харитонушка: у Ивана Тимофеича вторая жена померла... Пстой, да ведь точно, что Иван-то Тимофеич у нас женился. Ох, затмилась я, совсем затмилась!.. (Таинственно.) А ты, Харитонушка, ничего не замечаешь?

Ширинкин. Чего замечать-то?..

Мосевна. Ну, как наш-то Иван Тимофеич на эту Анисью воззрился?.. У самого дочь на возрасте, надо о дочери думать, а он на чужих девок глаза таращит.

Ширинкин. Да ведь Анисья Тихоновна ему жена, Ивану-то Тимофеичу? Чего ему на свою-то жену воззриться — вся его... хе-хе!..

Мосевна. Опять, видно, перепутала... Вот старое я хорошо помню, а новое забываю. А падок наш Иван Тимофеич до гладких баб, сейчас точно сахар делается и засмотрит, и засмотрит... Наскрозь его вижу, и вот на эстолничко не боюсь. (Показывает кончик мизинца.)

Ширинкин. А вот я, славу богу, до старости дожил, а сладострастия к женскому полу никогда не имел-с, да-с...

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Лена.

Ширинкин. Здравствуйте, Елена Ивановна... пожалуйста ручку-с.

Лена. Здравствуй, Харитоша... Мосевна, ты шла бы к себе, а то еще разобьешь что-нибудь. Даша вытрет пыль и без тебя...

Мосевна. Ишь вострая какая: Даша... да разве она может что-нибудь понимать: совсем полоумная девка. Ей хвостом вертеть перед парнями да зубы скалить... Я и сама уйду.

Лена. Да ты не сердись, баушка... (Целует ее.) Я тебя же жалею...

Мосевна. Себя пожалей, матушка: мое дело старое, немного мне нужно, а тебе еще, ох! долго на свете жить...

Лена. Баушка, да что ты это такое говоришь?

Ширинкин. Мосевна, и в сам-то деле, ступай-ка к себе на печку, а то ты тут путаешь, сама не знаешь что...

Мосевна. И уйду... ишь вострые какие нашлись, старуха им помешала. (Уходит.)

Ширинкин. Совсем старушка-с из ума выступила-с... хе-хе!.. Конечно, при их древности лет всякое понятие потерять можно. Вот сейчас перед вами только говорили про Анисью Тихоновну, а Мосевна позабыла, что Анисья Тихоновна уж замужем... да-с... Что это вы, Елена Ивановна, как будто немного не в себе, и колеру в вас нет настоящего...

Лена. Так, Харитоша... мало ли что. Не всем же песни распевать да хохотать, как Анисья Тихоновна.

Ширинкин. Ах, нехорошо такие слова, сударыня, выговаривать... ах, как нехорошо!.. Анисья Тихоновна вам вторая мать-с...

Лена. А если я ее не люблю?..

Ширинкин. Это только спервоначалу так кажется, а потом непременно полюбите... Это уж всегда так бывает.

Лена. Все мы жили хорошо, тихо было, а как она поселилась, так и началось... все не так, все неладно. Тоска какая-то... (Другим тоном.) Харитоша, а ты не видал Васю?..

Ширинкин. Никак нет-с... (В сторону.) Хе-хе!.. Вот оно с которой стороны тоску-то надуло нам... (Громко.) Я могу его разыскать, Еле-

на Ивановна.

Лена. Да я так спросила, Харитоша... Никого мне не нужно.

Ширинкин (в сторону). Знаем мы эти девичьи ходы и выходы... (Громко.) Анисья Тихоновна всех у нас приструнила, а меня с Васей, прямо сказать, загоняла... ей-богу-с!.. И туда и сюда... Как искры, летаем, а все угодить не можем никак.

Лена. Вот то-то и есть, Харитоша...

Ширинкин (в сторону). Эк меня дернуло за язык...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Воротов.

Воротов (в дверях). Можно войти-с?..

Лена. Заходи... Что так бояться стал: мы с Харитошей не кусаемся.

Ширинкин. А мне-с Тихона Кондратьича проведать надо, давненько-таки не видал его... (В сторону.) Убраться отсюда подобру-поздорову, а то только мешать будешь молоденьким-то... хе-хе!.. (Уходит.)

(Молчание. Лена сидит на диване, Во-

ротом нерешительно подходит к ней.)

Воротов. Елена Ивановна... Лена... Леночка... ка...

Лена (смотрит в сторону). Что вам угодно, Василий Петрович?

Воротов. Ах, господи... кругом напасть! Леночка, какой я Василий Петрович: несчастный человек, и больше ничего...

Лена. Давно ли это?.. Будет уж комедию-то разыгрывать: я все вижу, Вася... не слепая.

Воротов. Скажите, ради бога, что такое видите-то?

Лена. Все... все... Как это Анисья Тихоновна переселилась к нам, так все и пошло и пошло. Отец какой-то странный... ты тоже другой стал...

Воротов. Я? Другой?.. Да вот с места сейчас не сойти... провалиться вот здесь! Разве я не понимаю, кто вы, Елена Ивановна, и кто я: я — грязь, пыль, а вы — божество. Что мне Анисья Тихоновна?.. Да я...

Лена. Вот что, Вася, скажи мне по совести: а прежде ты ведь любил Анисью Тихоновну и она тебя тоже?..

Воротов. Прежде-с!.. я-с... то есть видите

ли, была такая глупость, а как узнал вас — все как рукой сняло... ей-богу! А теперь, кроме неприятностей, ничего не получаю от Анисьи Тихоновны, и ни в чем ей не могу угодить... Изживают они меня, со свету гонят, прямо сказать; а вы тут с подозрением.

Лена. Бедненький... Так ты, значит, любишь меня по-прежнему?

Воротов. Господи, да что же это такое?.. (Плачет.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Анисья Тихоновна (входит и останавливается в дверях; она в осеннем пальто и шляпе).

Лена (не замечает Анисьи Тихоновны и порывисто бросается к Воротову на шею). Вася, голубчик, прости меня... а я-то, глупая, приревновала тебя к ней, к Анисье!.. Она такая умная, бойкая, речистая... А теперь мне все равно: ты мой... мой...

Воротов. Я даже весьма себя понимаю, Елена Ивановна, и тоже не без глаз человек... При моем-то ничтожестве да этакое счастье...

(Целуются.) Да мне плевать на Анисью Тихоновну...

Анисья Тихоновна (входит). Вот это я люблю... ха-ха!.. По крайней мере, откровенно...

(Воротов начинает пятиться к дверям.)

Анисья Тихоновна. Ты куда это, Василий? Наплевал да и бежать... Помоги мне снять пальто.

Воротов (бросается снимать пальто). Слушаю-с.

Анисья Тихоновна. Крепче за рукав держи... ах, какой неповоротливый, снять пальто не умеет, а с девушками целоваться любит. Любишь ведь, Василий?

Воротов. Все у вас, Анисья Тихоновна, на смешки одни на уме... Ну, обругали, с глаз прогнали, а то нет: надо жилы из человека тянуть.

Анисья Тихоновна (садится на диван). Ведь я змея, Василий, а чего же от змеи ждать?.. Я из тебя жилы тяну, а другая пригубит, приласкает... ну, горе-то и позабудется. Так ведь, Елена Ивановна?.. Вы, милая моя

дочка, вместе будете с Васильем плевать на меня или отдельно?..

Лена. Где уж нам, Анисья Тихоновна, на других плевать... и так страшно жить. Боюсь я вас...

Анисья Тихоновна (смеется). Скажите, пожалуйста... ха-ха!.. Она меня боится, а забыла, что матери бояться не следует. Я ведь вам, Елена Ивановна, немножко сродни прихожусь... добрые люди второй матерью называют.

Лена. Нет у меня матери... никого нет.

Анисья Тихоновна. У богатой невесты всего найдется... Ты ведь богатая у меня дочка, и жениха найдешь молодого да красивого, не чета Василью. Конечно, пока можно и с Васильем время проводить... все же живой человек и до богатых невест большой охотник. Ну, что же вы стоите: идите... я не удерживаю. Василий, ты пошлешь мне Дашу...

(Воротов и Лена уходят в разные двери.)

ЯВЛЕНИЕ V

Анисья Тихоновна, потом Даша.

Анисья Тихоновна. Вот здесь целовались... на этом самом месте... Он так крепко ее обнял... наплевать хочет на Анисью Тихоновну... ха-ха!.. Поторопился немножко, Вася... (Встает и начинает ходить по комнате.) Давит меня что-то... жжет вот здесь. (Хватается за грудь.) Господи, неужели я действительно такая злая, как они все говорят? Да, я ненавижу их всех... (Обводит глазами комнату.) Все здесь ненавижу! На богатство польстилась и должна с Иваном Тимофеичем миловаться... О, будет он меня помнить!.. (Поет.)

*Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня!..*

Даша (входит). Что прикажете, барыня?

Анисья Тихоновна. Вот что... Поликарп Емельяныч не заезжал без меня?

Даша. Никак нет-с.

Анисья Тихоновна. Приготовь синее шелковое платье с бархатной отделкой... Может

быть, вечером будут гости.

Даша. Слушаю-с. А только я вам скажу, барыня, что Поликарп Емельяныч мне проходу не дают: непременно ущипнут или в охапку схватят... Я — девушка простая, господам-то совестно обижать.

Анисья Тихоновна. Хорошо, хорошо.

Даша. Да вон и они, легки на помине. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Анисья Тихоновна и Белоносов (входит с апломбом светского человека, расшаркивается и целует руку у Анисьи Тихоновны).

Белоносов. Зашел засвидетельствовать вам свое почтение, несравненной из женщин.

Анисья Тихоновна. Благодарю... Садитесь. Ну, как ваши дела в Загорье?.. Я слышала, вы делаете большие успехи.

Белоносов. О, да... Пожаловаться не могу: жить можно. Богатый город, особенно мои клиенты... Знаете, с этим золотом только

один грех, а нам это хлеб насущный.

Анисья Тихоновна. Да?.. А как дело у па-па?

Белоносков. Видите ли, это чрезвычайно сложное дело... теперь мы подали жалобу в сенат. Надеюсь выиграть... Иван Тимофеич обещал возвратить Тихону Кондратьичу и прииски, и имущество, когда вы сделаетесь его женой, а теперь не дает ничего. Но я не теряю надежды, Анисья Тихоновна, что в недалеком будущем подтяну вашего супруга...

Анисья Тихоновна. Знаете, Поликарп Емельяныч, вы меня удивляете: ведете процесс против мужа и так свободно являетесь к нам в дом... Все-таки, я думаю, немного неловко, совестно.

Белоносков. О, нет, совершенно напротив: я никогда так легко не чувствую себя, как в то время, когда иду к своему врагу, который меня боится. Это совершенно особенное чувство, Анисья Тихоновна: видеть человека насквозь... видеть все его ходы и выходы, видеть, наконец, бессильную злобу. Притом же это выгодно со стороны чисто материальных расчетов: противные стороны друг перед дру-

гом стараются удержать вас за собой. Таким образом и создается наша адвокатская репутация, как людей, которым нечего терять.

Анисья Тихоновна (кокетливо). Вы мне начинаете нравиться, Белоносов, своей смелостью... я люблю таких молодых людей.

Белоносов. Благодарю, хотя и не могу верить. С своей стороны могу сказать только то, что и у смелости есть свои уважительные причины. Как вы думаете, почему я являюсь вот сюда, в этот дом, откуда меня могут выгнать в шею?..

Анисья Тихоновна. Вы же сами сейчас сказали, почему: выгодно... Ах, да, виновата, может быть, у вас есть более серьезные, сердечные причины. Желаете, я сейчас позову сюда Лену?

Белоносов. Ах, совсем не то... вы меня отлично понимаете, Анисья Тихоновна, и желаете помучить, как играет кошка с мышкой. (В сторону.) Кажется, начинаю завираться...

Анисья Тихоновна. Нет, я не понимаю... Мне только кажется, что муж как будто начинает коситься на вас.

Белоносов. Послушайте, Анисья Тихонов-

на, к чему эти прятки: или прогоните с глаз, или... я прямой человек по отношению к женщинам.

Анисья Тихоновна (смеется). В таком случае я должна вас пожалеть: вы никогда не будете пользоваться успехом у женщин... Женщины не только любят, чтобы их обманывали на каждом шагу, а требуют этого. Вы сейчас говорили о своей прямоте, но это значит только вот что: у Анисьи Тихоновны муж старик, она мне немножко нравится, поэтому нельзя ли здесь чем-нибудь попользоваться... Нет, это уж слишком просто!..

Белонос (порывисто). А ведь это, ей-богу, недурно сказано!.. Дайте вашу ручку и не отнимайте, по крайней мере, надежды... (Целует у нее руку.) Хотя к поэзии любви я совершенно неспособен, ибо смотрю на вещи прямо.

Анисья Тихоновна. Вы когда-нибудь любили?

Белонос. Я?.. То есть как вам сказать? Одним женщинам я платил деньги, других обманывал даром, а чаще всего женщины меня обманывали. Вообще говоря, кажется, еще

не любил... (Смотрит ей в глаза.) Даже решительно могу сказать, что совсем еще не любил, и только встреча с вами показала мне, что есть серьезное и глубокое чувство... да.

Анисья Тихоновна. Ха-ха... Нет, у вас в этом тоне как-то не выходит, Поликарп Емельянович, не хватает какой-то нотки. Знаете, как у плохой шарманки — и свистит, и поет, и скребет в ухе, и просто дерет... Какой вы смешной, Белоносов!..

Белоносов. Что же мне делать, Анисья Тихоновна?.. Говорят, что, кто несчастлив в игре, тот счастлив в любви, — я все, что заработаю, обыкновенно спускаю за зеленым столом, и вот вам награда...

Анисья Тихоновна. Я вас, пожалуй, научу: ухаживайте, будьте внимательны, умеете угодить... наконец, вовремя будьте смелы...

Белоносов (бросается на колени). Анисья Тихоновна, я у ваших ног... я действительно чувствую что-то такое необыкновенное... ну, одно ласковое слово, улыбка...

Анисья Тихоновна (отодвигается от него). Да вас, Белоносов, учить ничему нельзя: вы именно с того начинаете, чем люди кончают,

и, значит, совсем меня не понимаете.

Белоносов (ползает на коленях). Молю вас об одном: не отнимайте у меня, по крайней мере, надежды. Я, может быть, исправлюсь... буду терпелив...

Анисья Тихоновна (кокетливо). Уж, право, не знаю, как вам быть... едва ли что-нибудь из этого выйдет. (Прислушивается.) Сюда идут... встаньте ради бога!..

Белоносов (поднимается). А, черт возьми... в самом интересном месте прервали.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Засыпкин и Чепраков.

Засыпкин. А, Поликарп Емельяныч... здравствуй, голубчик.

Белоносов. Здравствуйте, Иван Тимофеич.

Засыпкин. Вы, кажется, господа, незнакомы: рекомендую — Чепраков, человек, который одной рукой поднимает десять пудов. Вообще, прекраснейший человек...

Белоносов. Очень приятно... (В сторону.) Этакий медведь... а лапища-то, лапища... Господи!..

Чепраков. Весьма доволен, что наконец познакомился с вами. Слышать — слышал, а встречаться как-то не приходилось... Позвольте еще раз пожать вашу руку.

Белонос. Ой, ой!.. Как, однако, вы больно жмете...

Засыпкин (жене). А мы к вам-с, Анисья Тихоновна, пришли... Думаем, скучает наша женоушка, а и невдомек, что тут Поликарп Емельяныч утешает... хе-хе!.. Вот как глазки-то разгорелись...

Анисья Тихоновна. Действительно, Поликарп Емельяныч все время так смешил меня, так смешил... ха-ха!.. Поликарп Емельяныч, рассказать, о чем мы тут говорили с вами, то есть что вы говорили?..

Белонос. Как хотите... Только едва ли Ивану Тимофеичу интересно будет слушать.

Анисья Тихоновна. Ха-ха... испугался!..

Засыпкин (усаживается на кресло). Ну-ка, Анисья, расскажи, в самом деле... Я ведь тоже веселый человек, посмеемся вместе... Небось, адвокат учил, как старого мужа обманывать?.. Хе-хе...

Анисья Тихоновна. Да, это самое...

Неправда ли, Поликарп Емельяныч?

Белонос (в сторону). Вот положение... (Громко.) Не скрою, Иван Тимофеич, был такой разговор. (Чепраков внушительно крикает, Белонос отодвигается от него.)

Засыпкин (смеется). Что же, дело житейское... Сам был молодой-то, не любил, где плохо лежит. Хе-хе... Вы, молодые люди, учитесь у старика. Первое дело, не нужно подавать никакого вида: шито и крыто. Мало ли что бывает: войдет нечаянно муж, гость навернется (Чепраков опять крикает и крутит усы), горничная сдуру забежит... А вы так, Поликарп Емельяныч, и делайте, как сейчас Ани-сья: все начистоту и брякните, оно и выйдет в том роде, как шутка... хе-хе!.. а муж-то, старик-то, в дураках и останется! Так, Чепраков?

Чепраков (хохочет). Совершенно верно, Иван Тимофеич.

Анисья Тихоновна (встает). Это даже очень глупо с вашей стороны, Иван Тимофеич... Что за шутки!..

Засыпкин (наивно). Не пондравилось?.. Ну, извини, голубчик... я ведь спроста сболтнул, а ты уж сейчас и губки надула... (ласково

треплет ее по щеке.) Сейчас видно чистую-то душу... вся на ладошке.

Белоносков. Позвольте, Иван Тимофеич, проститься с вами...

Засыпкин. Куда же это вы, Поликарп Емельяныч? Только смешной разговор завели, а вы всю компанию разорить хотите...

Белоносков (смотрит на часы). Нет, мне пора... время — деньги.

Чепраков (поднимается). И я тоже пойду, Иван Тимофеич... Мне по пути с господином адвокатом.

Белоносков (в сторону). Вот черт попутчика дал... (Громко.) До свидания, Иван Тимофеич... Анистья Тихоновна.

Анистья Тихоновна. Не забывают нас, Поликарп Емельяныч...

Засыпкин. Право, как жаль...

(Белоносков и Чепраков уходят.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анисья Тихоновна и Засыпкин (несколько времени молчат, Засыпкин искоса наблюдает жену).

Засыпкин (подвигается ближе к жене). Анисья... вот ты и рассердилась?..

Анисья Тихоновна (отодвигается). Я?.. Нисколько... За кого вы меня принимаете, Иван Тимофеич?..

Засыпкин (задумчиво). Как я тебя принимаю?.. Да и так принимаю, и этак принимаю... Мало ли у старого мужа заботы с молодой женой: пошутить — неладно, задумаешься — тоже неладно... Ежели опять строгость на себя накинута — не те нынче, Анисья Тихоновна, времена... Вот этот же самый Белоносов научит молодую-то бабенку, что ей делать. Мудреное наше стариковское дело...

Анисья Тихоновна. Да, очень мудреное, особенно когда всех нужно обмануть и провести... Перестаньте, Иван Тимофеич, сиротой-то казанской прикидываться!..

Засыпкин. А ты перестань вздор молоть...

Этакий у тебя язык проклятый, Анисья; мелешь, чего сама понимать даже не можешь. Это все родитель твой пустые слова распря здесь болтаю с тобой: Иван Тимофеич ждет меня на улице. Вот что, Харитоша: ты иди и скажи родителю, что Иван Тимофеич желает его видеть... (Ширинкин торопливо уходит, а Анисья Тихоновна подходит к окну, отворяет его и кричит.) Пожалуйста, Иван Тимофеич!

ЯВЛЕНИЕ XII

Анисья Тихоновна и Засыпкин (входит, оглядываясь).

Засыпкин (целует руку Анисьи Тихоновны). А уж как я рад, что вы приехали к нам, Анисья Тихоновна... Так рад, все равно, как ангел слетел с неба. Ей-богу... И какие вы из себя стали, Анисья Тихоновна: одна красота. Раньше были хороши, нечего греха таить, а теперь превзошли самих себя, можно сказать... да.

Анисья Тихоновна (кокетливо). Будто уж я такая красивая?..

Засыпкин. Помилуйте-с, да какая же еще

после этого красота может быть? Не будь у меня Лены, я сам помолодел бы для вас этак лет на двадцать, а теперь как будто немножко устарел...

Анисья Тихоновна. Нет, еще ничего... Годика два подержитесь, а там уж не знаю как...

Засыпкин. Вот вы и смеетесь надо мной... Конечно, ваше дело молодое, Анисья Тихоновна, а только я вам вот что скажу: если будете выходить замуж, не берите молодого мужа. Мотоваты уж очень нынешние-то молодые мужья, а вы берите мужа постарше — этот будет понадежнее. В лебяжьем пуху будет этакую красоту соблюдать, золотом осыплет, ветру не даст пахнуть... Вот как старички-то любят!..

Анисья Тихоновна. Да я и не собираюсь замуж: кому неволя брать девушку из разоренного дома... Вот вы разорили отца, а теперь и заговариваете о старичках. Пойдешь и за козла, когда есть нечего будет...

Засыпкин. Ах, не нужно такие слова говорить... совсем не нужно. Ваше молодое дело: веселитесь, радуйтесь, песни распевайте, а уж мы вас устроим... да! И женишка приспособ-

бим...

Анисья Тихоновна (капризно). Бедного мне не нужно, а за богатого я и сама не пойду... будет после корить своим-то богатством. Очень нужно...

Засыпкин. Сейчас и загорелись: не хочу да не пойду... А вы погодите, все устроим помаленьку. Я вон давеча даже прослезился, как увидел вас: ангел слетел... Так прямо и говорю Лене: «Лена, нам бог ангела послал». Вот только Тихон Кондратьич напраслиной меня обнесли... За этим и приехал сюда, потому как все напраслина.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Молоков (останавливается в дверях).

Засыпкин (идет навстречу). Тихон Кондратьич... вот удивил-то!.. Не ждали, не гадали, а он как снег на голову...

Молоков (показывает на дверь). Вон, сатана!..

Засыпкин. Да вы извольте выслушать меня, а уйти-то всегда успеем-с...

Молоков. Вон!! ничего и слышать не хочу... Ты меня по миру пустил на старости лет... Всех обошел, сатана, всех обманул, всех оплел... вон!! И чтобы духу твоего не пахло, а то я тебя расшибу на мелкие крохи... слышал? (Принимает угрожающую позу.) Уходи, сатана...

Анисья Тихоновна. Тятенька, вы дайте Ивану Тимофеичу хоть слово сказать, а то что же это такое...

Засыпкин. Нет, Анисья Тихоновна, вы не знаете тятенькиного характера: им уж дайте все сперва выложить, душу отвести... Ниче-

го, не впервой нам от них принимать мораль-то...

Молоков (бросается на Засыпкина с поднятыми кулаками). Ах ты, змеиная кровь... жи-лы пришел из меня тянуть, а?.. Мне что? мно-го ли мне, может, и на свете жить? а ты вот ее (указывает на дочь) нищей сделал. Хорошее приданое и ей и мне устроил... Уходи, сатана, коли хочешь жив остаться!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Белоносов (входит, пошатываясь).

Белоносов (смотрит попеременно на всех).
Ничего не пойму... а кажется, что все еще на пароходе едем. Рожи какие-то...

Засыпкин. Это еще что за строкулист?

Молоков. А это я гостинца тебе из Нижне-го привез... с волчьими зубами гостинец-то. Эй, господин прокурор, подойдите-ка сюда и полюбуйте: это вот и есть Иван Тимофеич Засыпкин, сатана и Гришка Отрепьев, кото-рый взнуздал меня вседонимом-то.

Белоносов. Ничего, хорош гусь... имею

честь отрекомендоваться: отставной титулярный советник Поликарп Емельянов Белоносов. Только как же это так: мы его судить будем, а он тут с барышней переглядывается... Нет, видно, я все еще на пароходе!

Молоков. Нет, ты послушай, Белоносов, сатану-то: какие он слова выговаривает... И совести в нем хоть бы искра!..

Засыпкин. Позвольте-с и мне свое слово сказать, Тихон Кондратьич... Вы вот меня краденым корите да совестью глаза тычете, я и пришел для этого. Теперь и Анисья Тихоновна здесь, и я при них все скажу: все им приданое справлю, как родной дочери... да-с.

Анисья Тихоновна (отцу). Слышишь?

Молоков (машет обеими руками). Врет, все врет... Веревку тебе наденет да своими руками задавит — вот тебе и приданое, доченька. Ха-ха... (Засыпкину.) Ванька, уходи от греха...

Засыпкин. Ах, какие вы, Тихон Кондратьич, никакого ладу с вами нет. Кричите, орете на всю улицу: «Разорил, ограбил...» Хорошо-с, допустим, что я точно бы ограбил вас, а совесть-то все-таки в каждом человеке есть, хоть и самая завалящая... Как бы я к вам на

глаза показался с нечистой-то совестью? Так я говорю? С нечистой совестью обходят людей за версту-с... Теперь ежели я опять пришел к вам с корыстью какой, так ведь у вас ничего нет. Так я говорю?..

Молоков (Белоносову). Ты его послушай, ирода... вон какие петли да крючки выметывает.

Белоносов. А неглупый человек, черт возьми!.. Ну-с, Иван Тимофеич, продолжайте... (С важностью садится на диван.)

Засыпкин (уже смело и с жестами). Теперь нужно то рассудить: кто в Загорье-то вашего неукротимого карахтера не знает, Тихон Кондратьич? И к этакому-то человеку я с своей подлостью пойду, чтобы он меня на месте решил, как последнюю мышь... Рассудите, господин адвокат, своим собственным разумом, а я принял от Тихона Кондратьича всякое поношение в полной форме, вот при них, при Анисье Тихоновне, которых считаю прямо за ангела.

Молоков (долго смотрит в глаза Засыпкину и качает головой). Ванька, Ванька, не змей ли ты после этого? (Садится к столу и подпи-

рает голову руками.)

Анисья Тихоновна (ласкается к отцу). Ну, тятенька, будет сердиться: этим дела не поправишь...

Засыпкин. И даже весьма это вредно, Тихон Кондратьич, при таком-то составе тревожить себя.

Молоков (со слезами в голосе). Эх, Ваня, Ваня... ведь я тебя еще совсем мальчонкой знал, когда ты у старика Ширинкина жил, а что ты теперь-то делаешь... а? Опомнись, Ваня... кто тебя в люди-то вывел, а? (Стучит себя в грудь.) Вот где ты мне сидишь... Анисушка, доченька милая, вот тебе мой родительский наказ: бойся ты этого человека пуще огня... слышала? Эх, Ваня, не так я о тебе думал... Голову-то свою пожалей... золотая у тебя ведь голова!..

Засыпкин (бросается на колени). Тихон Кондратьич... неужели я бесчувственный зверь какой, а?

Молоков (дочери и Белоносову). Вот смотрите на него, а я расскажу вам одну его штуку. Лет пять тому назад совсем было я разорился, и только всего осталось, что одно ме-

сто для прииска, хорошее место. Весна, деньги надо — к тому, к другому из приятелей, все жмутся. Я к нему... (Тычет на Засыпкина.) «Дай три тыщи, а что добуду на новом прииске за лето — барыши пополам...» Дал без всякого слова и расписки не взял, потому знает мой характер: не оману. Тогда я этот самый прииск и оборудовал, да к рождеству вот этому самому Ваньке семнадцать тысяч голеньких и выложил. Было это, Иван Тимофеич?

Засыпкин. Точно так-с... чужое добро весьма нехорошо забывать.

Молоков. Да, ты и не забыл... отплатил... отнял, любезный, у меня, а меня под вседоним запятил.

Белоносков. Вот это ловко!.. ха-ха...

Засыпкин. Послушайте, Тихон Кондратьич, напрасно вы на меня тень наводите... Конечно, я считаю Анисью Тихоновну за ангела, а все-таки они наших дел с вами понимать не могут.

Молоков. Это точно, что наши дела мудреные... Пожалуй, не скоро разберешь, кто кого дерет.

Засыпкин (целует руку Анисьи Тихонов-

ны). Ангел прилетел... ангел!.. А ручки-то какие, ручки...

Белоносков. Позвольте, милостивый государь... Тихон Кондратьич, что же это такое?.. Ведь мы его судить еще будем...

Засыпкин. Суд судом, а я вот насчет приданого давеча говорил, так надо эту речь кончить.

Анисья Тихоновна. Да, да, вы обещали, Иван Тимофеич.

Засыпкин. Обещал-с, это точно, и женишка обещал... помните?..

Молоков. Ну, жениха-то мы и без тебя найдем, ежели дело на то пойдет...

Белоносков. Тихон Кондратьич, а знаете, куда этот милостивый государь угол загибает: он ведь сам в женихи к Анисье Тихоновне таращится...

Молоков (вскакивает). Што-о?! Ванька, да как ты смеешь... а?..

Засыпкин. Позвольте-с, Тихон Кондратьич, я еще ничего не сказал... Нужно еще сначала спросить вот Анисью Тихоновну, пойдут ли они за такого старого. То есть, я это к примеру говорю... для шутки...

Молоков (задыхающимся голосом). Вань-ка... уходи отсюда, коли жив хочешь быть... Так вот для чего ты меня разорил, окайнная душа... Господи, да что же это такое?.. Анисья, гони его в три шеи...

Анисья Тихоновна (кокетливо). Тятенька, я, право, не знаю...

Молоков (бросается к Засыпкину). А я так знаю... Ванька, я из тебя двоих женихов сейчас сделаю!!

Засыпкин (бежит к двери). Уйду-с... сам уйду!..

Белоносов (хохочет). Катай его... ха-ха-ха!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

МОЛОКОВ.

Марфа Лукинишна.

Белоносов.

Засыпкин.

Анисья Тихоновна.

Ширинкин.

Мосевна.

Чепраков.

Действие происходит в запущенном старом саду дома Молокова, налево полуразвалившаяся беседка, направо садовая скамейка.

ЯВЛЕНИЕ I

Марфа Лукинишна (варит варенье в медном тазике), Белоносов (сидит рядом с ней и подбрасывает в огонь щепы).

Марфа Лукинишна (снимает накипь в чайное блюдечко). Так ты, Поликарп Емельяныч, про римского царя рассказываешь... очень уж я люблю про разные чудеса послушать.

Белоносов. Про вавилонского царя, Марфа Лукинишна... Был такой царь, сударыня, в вавилонском царстве, и захотелось ему, чтобы все, к чему ни дотронется, превращалось в золото.

Марфа Лукинишна. Постой, я тебя перешибу маненько: и глупый, должно быть, царь был... а?.. Ишь, чего захотел...

Белоносов. Царь-то был неглупый, да только глупо подумал... Это бывает и с умными людьми.

Марфа Лукинишна. Ну-ка, прибавь еще щепочек-то, да не так, чтобы много... Ох, люб-

лю я, многогрешная, это самое малиновое варенье!.. (Пробует с ложки варенье, обжигается и дует на ложку.) Ишь, ведь какое каленое... Все бы, кажется, сидела да пила чай с малиновым вареньем. Вот бы и вам, мужикам, так же, а то только и смотрите, как бы губу мочить... и в какую прорву вы это сахмое вино хлещете!..

Белонос (раздувает огонь). Нельзя, сударыня... ишь, как дымит, ф-фу-у!.. (Протирает глаза.) Этак, пожалуй, и варенья не захочешь. Вот вы, Марфа Лукинишна, относительно водки изволили замечание сделать, а нам без водки никак нельзя: возвышает дух.

Марфа Лукинишна. Как ты сказал?

Белонос. Говорю: дух возвышает.

Марфа Лукинишна. Так это кто же говорит-то, вавилонский царь, что ли?..

Белонос (в сторону). Этакий березовый пень... (Громко.) Нет, это я говорю... Вы с краешков-то пенки собирайте, а то пригорит.

Марфа Лукинишна (протягивает ему ложку). Не пригорит... На-ка вот, попробуй, да тише, не ожгись. (Белонос пробует и морщится.) Ну, значит, еще не дошло в настоящую

плепорцию: суроп жидковат. (Мешает ложкой в тазике.) Ну, так как про римского... тьфу!.. про вавилонского-то царя начал рассказывать? Очень уж любопытно...

Белонос. Ну, пожелал царь, чтобы все было золотое, к чему ни прикоснется. Хорошо... Так по его и вышло. Потрогал царь разные вещи в своем дворце — все золотое делается; ну, понравилось ему, а потом царь устал и захотел поесть. Принеели разную закуску: он кусок в рот, а кусок золотой сделается. Тут уж царь и взмолился, чтобы все опять по-старому было.

Марфа Лукинишна. Нет, как ты хочешь, а глупый царь был... Статочное ли это дело!..

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Мосевна.

Марфа Лукинишна. Ты чего это, баушка, потеряла?

Мосевна. Да вот... послал меня Иван Тимофеич, наказал что-то, а я дорогой и забыла. Все помнила, все помнила, а как вошла в сад — и затемнилась... Экая память, подумаешь! А крепко наказывал да еще говорил, чтобы я кому не сболтнула сдуру-то, а я, нако-ся, сама все дорогой вытрясла.

Белоносов. После, баушка, вспомнишь, а теперь в самом деле никому не рассказывай... (Оглядывается по сторонам.) Знаешь, какой нынче народ!

Мосевна (долго смотрит на Белоносова). Чей же это мужчинка будет, Марфа Лукинишна... что-то мне будто невдомек. Не было ровно у вас такого-то...

Марфа Лукинишна. Это абвоката, Мосевна, Тихон Кондратьич из Нижнего привез с собой... А ты садись, — баушка, хошь на травку, хошь на скамейку, да отдохни. Старое твое

дело, не с кого взыскивать-то.

Мосевна (усаживается на лавочку). И то пристала до смерти... Иду сюда, а сама думаю дорогой-то: хоть бы мне помереть... право! (Смеется.) Ох, самое это худое дело до старости доживать... все помнила, вплоть до самого дому дошла, а тут ровно кто обухом по голове ударил. Этакая оказия...

Марфа Лукинишна. Вот попробуй-ка вареньица-то. (Дает ей ложку.) Только теперь у нас и осталось, что одна малинка. А мы тут, Мосевна, занялись малым делом: я варенье варю, а абвокат мне про вавилонского царя рассказывает... Царь такой был, что до чего дотронется, то и золотое, с голоду, слышь, чуть не умер.

Мосевна. Золотое?.. Ах, прах его возьми... Зачем же это я сюда пришла?.. Сижу да варенье ем, а сама ровно в тумане... ох, давно помирать пора! Так все, говоришь, золотое?

Марфа Лукинишна. Все золотое, что ни пошевелит.

Мосевна. Бедненький... Как это его угораздило-то, сердечного?

Белоносов. Зачем бедненький?.. Нужно

было только выговорить себе некоторые обстоятельства... (Оглядывается.)

Марфа Лукинишна. Ты чего это, Поликарп Емельяныч, по сторонам глазами-то шмыгаешь?.. Уж не потерял ли чего, как Мосевна?

Белоносков. Нет, я так... просто.

Мосевна (продолжает свое). Грех один от этого золота — вот и стал бедненький. Ведь это только глядеть, что будто оно золото, а оно и есть самое злое зло... да! Сколько народичку около этого самого золота мается!.. А на что его, Христос с ним: лежало бы да лежало в земле... соблазн да грех — и все тут. Большая мусть от этого самого золота идет, а другой человек так даже сам не свой сделается. Режут ножами из-за золота-то, одни режут, а другие плачут. Вон наш Иван Тимофеич нахватал золота, досыта нахватал, а какой толк?

Белоносков. А какого ему черта еще надо?

Мосевна. Ох, не поминай ты его, черта-то... без него тош-нехонько... Чего надо?.. Ну, голубчик, золотом всего не купишь, оно только глаза отводит. На погибель оно, вот что... Иван-то Тимофеич вон ходит теперь да ожигается! На двух женах на богатых женат

был, высосал из них все, а теперь, видно, третью молоденькую захотел... Нет, оно, золото-то, как болезнь какая, привяжется.

Белоносков. А вот я так не жалуюсь на золото — около него жить очень можно...

Марфа Лукинишна. И то, голубчик, ты как будто поправился: вот одежонку справил, ну, пьян не каждый день... Приехал-то голенький сюда и пьянее вина. Я тогда страсть как испужалась.

Белоносков. Деньги наживаем... ха-ха!.. Скоро на свою квартиру от вас перееду, пару на отлет заведу, тогда уж я не так буду корчить этих золотопромышленников: как губки, буду выжимать.

Мосевна. Много, говоришь, денег-то у тебя?

Белоносков. Не много, а будут...

Мосевна. Жениться тебе, паренек, надо... замотаешься, с деньгами-то.

Марфа Лукинишна. И то жениться бы... Вон у Ивана Тимофеича дочка на возрасте, славная девушка: воды не замутит.

Белоносков. Женимся, когда время придет, а теперь на чужих жен посмотрим... (Самодо-

вольно смеется и охорашивается.) Хорошенькие есть...

Марфа Лукинишна. Сижу я это, разговариваю с тобой, Поликарп Емельяныч, а сама дивлюсь, себе дивлюсь, какой свободный разговор с тобою имею... Вот даже нисколько не боюсь тебя!.. И варенье вот мне помогаешь варить. На старости лет в честь, видно, попала. Я так своим умом полагаю, что все это от вседониму — свет я с ним увидала... Тихон Кондратьич утишился, я варенье варю да еще с хорошими людьми свободный разговор имею.

Белонос (смеется). Бывает... Я очень уважаю таких почтенных женщин, как вы, Марфа Лукинишна.

Марфа Лукинишна. Намеднись, как Ани-сья была, так он даже руку мне поцеловал. (Указывает Мосевне на БелоНосова.)

Мосевна. Омманывает кого-нибудь... больно из себя увертлив.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Молоков с Чепраковым.

Молоков. Много ли вас, не надо ли нас. (Усаживается на лавочку рядом с Мосевной.) Ну, теперь вас целая кадрель, а я буду музыкантом... ха-ха!.. Мосевна, видела жениха-то?

Мосевна. Которого?

Молоков (показывает на Чепракова и Белоносова). Да вот из любых выбирай... ишь, какие сизые голуби! Абвокат получше будет, Мосевна, бери его, только пусть сперва меня из-под вседониму ослобонит.

Мосевна. Отстань, греховодник! Тьфу...

Молоков (жене). А ты, дама из Амстердама, что тут делаешь?

Марфа Лукинишна. Да вот вареньицем занялась... своя малинка-то.

Молоков. Эх, дама, дама, сварила ты мне хорошее варенье... Господин абвокат, как же это мы с вами, а?

Белоносов. Относительно водки? Могу-с...

Молоков. Этакая судорога!.. Так я ненави-

жу это глупое слово «могу», точно вот шилом меня ткнет. Водка от нас не уйдет, а вот как насчет Ивана Тимофеича.

Мосевна (вскакивает). Ведь вспомнила... вот оказия-то!.. Иван-то Тимофеич прямо наказывал: «Ступай, говорит, к Молоковым и посмотри, говорит, нет ли там моей жены...» Тут еще слово ввернул насчет какого-то абвоката. «Да сама, говорит, и виду не подавай, зачем пришла...» Ну, вот и вспомнила, слава богу!..

Молоков. Кланяйся Ивану Тимофеичу да скажи ему, что он дурак... Разве за такими делами таких лишенных ума старух посылают? Ха-ха... Ай да Анисья, напустила сухоту на мужика... Молодец баба, люблю таких!..

Мосевна. Идти надо скорее... ждет ведь он... Ох, умирать пора... Простите меня глупую, голубчики! (Уходит.)

Чепраков. Увидишь своих-то, бабушка, так кланяйся нашим.

Белонос (искоса смотрит на него). Зачем этот гусь повадился сюда... не пон-нимаю!.. Вон кулачища-то какие...

Молоков. Ну, братец, так как же... а?

Белоносков. Теперь все дело в лучшем виде, Тихон Кондратьич, только нужно подождать... что скажет сенат.

Марфа Лукинишна. Уж что-то больно долго этот самый сенат у вас продолжается, одной водки сколько выхлестали...

Молоков. Молчать, дама... раздавлю... Не твоего ума дело... Какого ты из меня человека сделала, а?..

Марфа Лукинишна. Велика беда, что посидишь малость... Нисколечко я тебя не боюсь.

Молоков. Ну, ну, понесла... А вот что, господин абвокат, как же это вы нынче к Ивану Тимофеичу повадились частенько?.. Сумленье берет меня... Ну, к другим прочим ничего, а вот Иван-то Тимофеич мне, как бельмо на глазу.

Белоносков. Тут совсем особенное дело, Тихон Кондратьич.

Чепраков (в сторону). Знаем мы твои особенные-то дела, прощелыга... Попадешься ты мне в лапы, так я дно сразу вышибу.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Засыпкин (идет и оглядывается).

Молоков. Легок на помине...

Засыпкин. Ах, это вы, папенька... здравствуйте. Здравствуйте, маменька!..

Марфа Лукинишна (пятится от него и машет руками). Ох, не подходи ты ко мне, Иван Тимофеич... ради истинного Христа, не подходи!..

Засыпкин. Что это вы так меня испугались, маменька: я не медведь, не укушу.

Марфа Лукинишна. Хуже медведя, голубчик... ох, не подходи!.. Хошь ты мне и зять, а сердце у меня так и упадет от одного твоего голосу... бумага какая-то начнет представляться... кресты... суды... смертоубийство. (Уходит.)

Молоков (хохочет вместе с остальными). Хорош зятек... а? по всей форме... Ха-ха!.. Ну, как поживаешь, Иван Тимофеич?

Засыпкин (садится на скамейку). Ничего, папенька, живем, пока мыши головы не отъ-

ели...

Молоков. А уж разе начали?.. Другая мышь-то хуже медведя, потому она все норovit потихоньку, зятюшка... да. Нет ли чего нового?

Засыпкин (задумчиво). Да пока ничего-с... Живем, да вашими молитвами, как шестами, подпираемся. Вы чему это смеетесь, папенька?..

Молоков. Смешное вспомнил, Ваня... Как ты придешь ко мне, я и думаю про себя: чего еще пришел он отнимать у меня — прииски отнял, деньги отнял, дочь отнял... Все по перышку общипал. Вот и смешно: чист я, Ваня, нечего с меня взять. С голого, видно, как со святого — взятки гладки... Так, господин абвокат?..

Белоносов. Совершенно верно-с... Нам только из псевдонима вылезти, а тут мы показали бы Ивану Тимофеичу, как лягушки скачут.

Засыпкин (рассеянно смотрит по сторонам). Это как же лягушки-то скачут?..

Молоков. Ты, Ваня, чего это по сторонам-то оглядываешься?..

Засыпкин. Нет, так... голова что-то болит.

Молоков. Совесть это тебя мучит, зятюшка... Что обещал-то, как за Анисью сватался?.. Все, говорил, имущество поверну назад и прииски, а сам что делаешь...

Засыпкин. Я от своих слов не отпираюсь, папенька: все вам поверну... Не поминайте лихом. А сейчас не могу, потому что какой вы человек, ежели разобрать — вам где сейчас находиться-то следует?

Молоков. В тюрьме... так вот ты куда угол загибаешь, а?.. Отродясь не видывал такого бессовестного человека...

Засыпкин. Успеем еще поговорить, папенька, дело не к спеху... Голова у меня что-то не совсем, идти пройтись. (Уходит.)

Белоносков. Видно, дело-то того: носи — не потеряй...

Молоков. Ну, и человек... Уж, кажется, сколько я всяких подлецов и мошенников на своем веку видал, а таких еще не встречал. Вот взять хоть тебя, Белоносков, — у тебя на роже написано, что проведешь и надуешь (Белоносков делает движение), или ты, Чепраков, — страняет... да. (Ласково.) Анисья... а ведь ты

совсем обошла меня, старика! Другой не спустил бы, а вот ты как со мной поступаешь... (Тихо ее обнимает.) А нашему брату много ли нужно: одно ласковое словечко... приголубить...

Анисья Тихоновна (припадает к нему на грудь). Вот так! Ваня, миленький, добренький, сладенький, сахарный, медовый... (Целует его.) Ну, а дальше?..

Засыпкин. Дальше... постой, все из ума вон... нужно было поговорить с тобой серьезно, а я вот какими пустяками занялся.

Анисья Тихоновна. Подарить хочешь что-нибудь?..

Засыпкин. Подарок само собой... Ах, да, вот что: ну, как Лена?

Анисья Тихоновна. Ничего... все такая же, как и была.

Засыпкин. Вот что, Анисья: скажи мне, как перед богом: любишь ты ее, мою Лену?.. Ведь я за нее ответ должен богу дать, великий ответ...

Анисья Тихоновна. Станный вопрос: конечно, люблю...

Засыпкин. Вот мне это только и нужно...

гора с плеч, Лена — хорошая девушка, добрая... чистая у нее душа-то, как хрусталь...

Анисья Тихоновна. А мне кажется... может быть, я ошибаюсь.

Засыпкин. Говори... ну, говори!..

Анисья Тихоновна. Мне кажется, что Лена равнодушна к Василью... (Пытливо смотрит на мужа.) Что же, по-моему, он ничего, парень хороший!..

Засыпкин (вскакивает с места). Молчи... ради Христа, молчи!.. Никогда этому не бывать... слышишь?.. Никогда... Я и Васе это говорил, он знает. Одним словом, этому не бывать...

Анисья Тихоновна (в сторону). Отлично, вот ты когда мне попался, милый друг... (Громко.) Да ведь я ничего не говорю: так, к слову пришлось...

Засыпкин. Да слово-то какое... Вот что, Анисья: мне-то самому неловко все это обскажать Лене, а вот ты устрой как-нибудь, объясни ей, что ни под каким видом. Да... Я Васю, конечно, люблю и жалею, как сироту, а чтобы отдать ему Лену: ни-ни, ни в жисть!.. никогда!..

Анисья Тихоновна (встает). Хорошо, скажу... Меня портниха ждет. (В сторону.) Отличная мысль... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Засыпкин один (сидит на диване), потом Мосевна.

Засыпкин (щупает себе голову). Вот сидела рядом со мной... обнимала... и вдруг: нет ничего... (Оглядывается.) Ушла?.. Да, конечно, ушла... Опять забыл, о чем думал... Ах, я несчастный, несчастный человек!.. (Вскакивает.) Не верю я ей... ни одному слову не верю!.. да!.. Обманывает меня... (Останавливается.) Зачем этот Белоносов к нам повадился?.. Ну, конечно, за Анисьей ухаживает, турысы на колесах перед ней разводит, а я-то дурака из себя перед ними валяю... Увижу ее, и точно вот огнем обожжет: все нипочем, а в голове так круги, круги... Тоска какая-то, с мыслями справиться не могу. А дочь?.. Лена моя, голубка, вот где ты у меня: к самому сердцу приросла... Легче мне, когда я об ней начинаю думать: славная она, кроткая.

Мосевна (входит и начинает вытирать пыль). Воззрился... заглядел... ишь, ненасытные глаза!..

Засыпкин (оглядывается). Кто здесь?.. Ах, это ты, Мосевна... Чего ты тут ворчишь?.. Кто воззрился?..

Мосевн а (грубо). А тоже не укажешь. Еще спрашивает, кто воззрился. Чего надулся-то, не больно тебя испугалась. Растаял... У самого дочь на возрасте, надо дочь пристраивать, а он на чужих девок глаза пялит.

Засыпкин (строго). Послушай, да ты, кажетя, совсем с ума спятила... Как ты смеешь, наконец?..

Мосевна (азартно). А вот и смею... и смею. Ну, чего взял? Знаем тебя хорошо: мягко стелешь, да жестко спать. Ласково говоришь, а в дому-то тебя все, как огня, боятся... Ну, чего на меня-то воззрился: на мне узоры нарисованы? С меня, старухи, нечего взять, а я всегда скажу: дочь на возрасте, а он... тьфу!.. тьфу!..

(Засыпкин бросается на нее со сжатыми кулаками.)

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и входит Лена.

Лена (бросается к отцу). Папа, папа... что ты!.. Папочка, миленький, она, как ребенок.

Мосевна. Убить меня хотел... а? Двух жен в гроб заколотил, теперь третью хочешь... а?.. А я вот при дочери все скажу... все...

Засыпкин (порывается к Мосевне). Замолчи, змея...

Мосевна (направляется к дверям). Чего меня душить-то, и так уйду. (Уходит; Засыпкин бросается на диван и схватывает голову обеими руками.)

Лена (садится рядом с отцом). Папочка... миленький... что с тобой?.. Ведь Мосевна сама не знает, что говорит...

Засыпкин. Нет, она знает... она... все здесь против меня, Лена! О, господи, я, кажется, начинаю с ума сходить?..

Лена. Папочка, успокойся... тебе все это кажется!.. Ты такой странный стал нынче...

Засыпкин. И ты, Лена, как другие... а,

впрочем, может быть, я и действительно изменился... Ах, Лена, Лена, ведь ты у меня одна, одна! (Горячо обнимает и целует в голову.) Для тебя я всегда буду таким же, каким был... Может быть, у меня есть свои недостатки, даже, может быть, я дурной человек, но не для тебя...

Лена. Нет, папа, ты раньше лучше был! А теперь всех в чем-то подозреваешь; потом, точно кого боишься...

Засыпкин. Да, да... А ты не подумала, Лена, каково мне-то живется?.. Это я не насчет Анисьи, нет, я на нее не могу пожаловаться, а так, вообще. Слышала, что сейчас Мосевна-то отвесила: двух жен в гроб вколотил... это я-то? Как это тебе понравится?.. А другие в глаза не скажут, зато за глазами наговорят всячины...

Лена. Что же, папа, наговорят?..

Засыпкин. Ну, да мало ли глупостей каких могут наговорить: разорил Ширинкиных, разорил Молокова, потом про Анисью... Злых людей много на белом свете, голубчик!.. Завидно им, что я вот и богат, и счастлив, а прежде-то знали меня бедным, таким маленьким человеком.

Лена. Ты, папа, у Ширинкина прежде служил?

Засыпкин. Да, у Ширинкина, у старика... Мальчишкой еще я к нему поступил-то, ну, присмотрелся к делу, а потом и свое дело завел. В нашем приисковом деле все от счастья зависит: повезло — пан, не повезло — пропал. Много хороших людей на этой дорожке и головы свои положили, все золота добивались, а я разбогател, потому что бог счастья послал. Вот этого-то мне и не могут простить — зачем я из нищеты да из бедности в люди вышел!.. Ах, Лена, Лена, ты вот не знаешь людей-то...

Лена. Нет, папа, знаю: люди гораздо лучше, чем ты думаешь.

Засыпкин. А вот и нет... Глупенькая, ты не того бойся человека, который тебе не нравится да кажется таким нехорошим, а вот хороших-то людей бойся: который кажется лучше, того больше и бойся. Тут наша и погибель сидит, Лена...

Лена. Как же это так, папа? После этого и жить на свете не стоит...

Засыпкин. И жить можно, только осторожно. Приходится со всякими людьми дело

иметь, ну и терпишь от них... Не всякое лыко в строку. Это с чужими; а со своими, пожалуй, в другой раз, приходится еще больше терпеть: и приноравливаться надо к человеку-то, а другое видеть — не видеть...

Лена (в сторону). Это он насчет Анисьи... (Громко.) Я все, папочка, сделаю, только ты будь такой же, как прежде был... Ведь мы с тобой хорошо раньше-то жили?.. да?..

Засыпкин (в сторону). Это она на Анисью гнет... (Громко.) Да, да, моя милочка, все будет по-прежнему... Постой, что-то такое мне нужно было тебе сказать... ведь вот совсем вылетело из головы, а очень нужно. Да, да, припомнил. Вот что, голубчик: люди-то болтают, что того я ограбил, да другого ограбил, а для кого мне грабить! Много ли нам с тобой двоим нужно?

Лена. Как двоим: а Анисья Тихоновна?..

Засыпкин. Ну, все-таки двоим... муж да жена за одного идут. А к тому говорю, что для чего мне людей-то грабить: будет и своего. Вот ты у меня теперь забота... Иногда ночью-то думаю, думаю о тебе: ведь ты у меня, как перст. Поболтаю с тобой, и полегчает на

душе... светло так сделается, хорошо. А все-таки ты девушка уж большая, свои мысли бывают у больших-то девушек...

Лена (закрывает лицо руками). Ах, папа, зачем ты так говоришь со мной...

Засыпкин. Ну, извини, дурочка, я пошутил... Нужно же было развеселить тебя!.. Вон у нас Вася в дому (пытливо смотрит на дочь), мало ли что в голову может прийти отцу, а я вот что тебе скажу: я лучше умру, а тебе не бывать за Васей... так и знай. (Быстро встает и смотрит на часы.) Заболтался я с тобой, а у меня дела еще по горло... прощай! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Лена (одна), потом Анисья Тихоновна и Даша.

Лена (плачет). Я так и знала... да. Ни в чем мне счастья не будет. Папа ласковый такой, а когда до Васи дело дошло, так и пошел: «лучше умру»... Уж лучше мне умереть. Родятся же такие несчастные, как я... Всего-то и света в окне было, что один Вася, да и того не дают.

Анисья Тихоновна (входит, любуясь своим шлейфом, и подходит прямо к зеркалу). Кажется, платье ничего сидит... да. Синий цвет ко мне идет... ах, какой этот Белонос уморительный... Даша?..

Даша. Что прикажете, барыня?..

Анисья Тихоновна. Вот здесь прихвати булавочкой... ну, что, идет ко мне это платье?..

Даша (ползает на коленях). Уж так идет, так идет... патрет!

Анисья Тихоновна (повертывается от зеркала и замечает Лену). Ты здесь, Лена?.. А отчего у тебя глаза красные?.. Опять плакала...

Лена. Это так, Анисья Тихоновна... голова у меня болит.

Анисья Тихоновна (горничной). Ты теперь можешь идти, да приготовь мне там синюю косыночку: знаешь, с крапинками? (Даша уходит, Анисья Тихоновна подходит к Лене и берет ее за подбородок.) Так и есть: опять слезы. Видно, не сладко с мачехой-то живется, заела мачеха... да?.. А выходит, что злая-то не мачеха, а падчерица... Ну, скажи: «Мама, я больше не буду... мамочка, извините!»

Лена (встает). Вы опять за старое, Анисья Тихоновна... а мне и без того тошно.

Анисья Тихоновна (усаживает ее на диван рядом с собой). Погоди, погоди, миленькая... Так добрые люди не делают. О чем сейчас плакала? Вот и соврать даже не умеешь, а я тебя за это и люблю... (Целует ее в голову.) Все знаю, папенька сказал, видно, словечко про Васеньку?.. (Лена делает движение.) Ну, ну, постой, я пришла с тобой серьезно поговорить. Я ведь сама давеча говорила с отцом-то о тебе, и он мне сказал то же, что тебе: умру, а не бывать Лене за Васей. (Хочет ее обнять.)

Лена (отодвигается). Нет, этого не нужно...

Поговоримте так, просто.

Анисья Тихоновна (в сторону). Этакая упрямая девчонка... о, как я ее ненавижу! (Громко.) Ну, как знаешь... Тебе, значит, неприятно, если я тебя обнимаю?..

Лена. Да... может быть, этого не следовало говорить, но я не умею скрывать... лгать...

Анисья Тихоновна. Как это делают другие?.. Ну, перестань же дичиться, голубчик... Ты уж не маленькая девочка, и можешь понимать свое положение. Нам необходимо объясниться по душе: я желаю тебе добра, как родной дочери, и даю тебе честное слово, что ты будешь за Васей.

Лена. Нет, я теперь сама этого не хочу...

Анисья Тихоновна. Вот тебе раз... а я-то из-за чего хлопотала?

Лена. Не знаю... а я больше не люблю Васю.

Анисья Тихоновна (заглядывает ей в лицо). Вот и неправда... Язычок говорит одно, а глазки совсем другое. Я понимаю: ты боишься отца и немножко ревнуешь Васю ко мне... Но ведь это смешно? Ха-ха...

Лена. Мне все равно: я ни к кому его не мо-

гу ревновать.

Анисья Тихоновна. Хорошо, хорошо. Я буду гораздо откровеннее... Васю я действительно любила, когда была еще совсем девчонкой. Ну, потом уехала, а девичья память короткая... Выйдешь замуж, сама узнаешь: теперь мне даже смешно старое-то вспоминать. Теперь мне все равно, что есть этот Вася, что нет его, да и он меня давно променял на другую, а мы его, Васю-то, и женим на этой на другой-то...

Лена. Отец меня проклянет, а проклятому человеку не будет счастья.

Анисья Тихоновна. Значит, ты все-таки любишь Васю? Ну, хоть немножко... а?.. чуточку?.. (Тихо привлекает ее к себе.) Вот то-то и есть: отец тебя как будто и любит, а понять не хочет. Мачеха-то, видно, добрее будет...

Лена (плачет). Мне страшно... мне все кажется, что и вы меня ненавидите и Вася меня обманывает. Может быть, это потому, что я сама дрянная... Анисья Тихоновна, я прежде вас очень любила, а тут мне стало казаться... Простите меня!

Анисья Тихоновна (целует ее). Перестань,

дурочка, плакать, а то, пожалуй, я и сама разревусь. Ну, а теперь ты любишь меня?

Лена. Не спрашивайте меня... я не могу так, вдруг. Я ведь такая подозрительная... А теперь мне стало так хорошо, тепло... Вот только папа... мне даже страшно думать об этом, как он рассердится на меня.

Анисья Тихоновна. Чго же делать, голубчик, посердится твой папа и перестанет. Устроим так, что ему нельзя будет не согласиться. Не ты первая так-то замуж выходишь. С богатыми невестами это часто бывает: родители все ищут богатых женихов, а ведь тебе не с богатством жить. Ну, будет плакать!.. Дай я тебе вытру слезки...

Лена (бросается к ней на шею). Анисья Тихоновна, простите меня... я думала, что вы совсем другая!.. Все плакала... и с Васей ссорилась.

Анисья Тихоновна. А все оттого, что за маму меня не хотела считать. Ну, скажи: «Мама, я больше не буду». А мама все и устроит.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и Ширинкин (останавливается в дверях).

Ширинкин (крестится). Слава тебе, истинному Христу... Мир да любовь. Вот уж уважила старика, Анисья Тихоновна... ручку-с пожалуйста.

Анисья Тихоновна (протягивает руку). Ты был у наших?

Ширинкин (морщится). Опять александрийский лист пил перед Тихоном Кондратьичем, потому уж очень они скучают. (Отплевывается.) Отвык, признаться сказать, я от этой мерзости-с...

Лена (встает). Я уйду...

Анисья Тихоновна (целует ее). Ну, ступай, ступай, дурочка... Отдохни, а утро вечера мудренее. (Лена уходит.)

Ширинкин (смотрит ей вслед). Горлинка наша.

Анисья Тихоновна (подходит к зеркалу и смотрится). Да, горлинка, и еще совсем сияя... А что, Харитоша, я ведь еще молода?

Ширинкин. Точно так-с.

Анисья Тихоновна. И хороша?

Ширинкин. Ничего-с, кажется, господь ничем не обидел.

Анисья Тихоновна (продолжает смотреться в зеркало). И полюбить меня можно? Например, тебе хочется иногда поцеловать меня?

Ширинкин. Я-с?.. Прежде очень любил, а теперь другое-с... Даже, можно сказать, совсем наоборот-с.

Анисья Тихоновна. Вот как!..

Ширинкин. На сердце у вас нехорошее, Анисья Тихоновна, по этой по самой причине я и не могу по-прежнему-с...

Анисья Тихоновна. А ты разве был у меня на сердце?

Ширинкин. По глазам это бывает заметно, Анисья Тихоновна, очень даже заметно-с... Давно я собираюсь сказать вам одно словечко... (Оглядывается.)

Анисья Тихоновна. Ну?..

Ширинкин (бросается перед ней на колени). Анисья Тихоновна, не губите Ивана Тимофеича... все я вижу, давно вижу, как он хо-

дит по дому-то темнее ночи. Не кончится это добром-с... И бот горлинку нашу пожалейте-с... (Плачет.) А всех больше самих себя пожалейте, Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна (старается поднять его). Вставай, Харитоша, нехорошо такому старику на коленях стоять.

Ширинкин. Не встану-с... слезами буду плакать... не губите себя, Анисья Тихоновна!

Анисья Тихоновна. Ты это все об Иване Тимофеиче, который тебя пустил по миру... Он и моего отца разорил, чтобы жениться на мне. А других сколько он погубил да еще погубит... женился на молоденькой, а разве хорошо чужой-то век заедать?

Ширинкин. Своя у вас воля была, Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна. Хороша воля... кто меня нищей-то сделал? Харитоша, уходи от меня: я нехорошая, злая женщина... Я сама себе не рада... тяжело мне... Уходи, уходи!..

Ширинкин (ползет за нею на коленях и ловит за платье). Анисья Тихоновна, утишите свое сердце... все изживется, все забудется... Ведь со стороны жаль смотреть: Ленушка сох-

нет, Иван Тимофеич ночь ночью...

Анисья Тихоновна (останавливается). А меня кто пожалеет, Харитоша?

Ширинкин. Да вот я пожалею-с... Эх, Анисья Тихоновна, неподобное вы задумали: парня-то вы напрасно тоже загубите... Васю... слабеньек он, не вступил еще в настоящий разум...

Анисья Тихоновна. Тем лучше, вместе веселее умирать будет... Ха-ха!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Засыпкин.

Анисья Тихоновна.

Белоносов.

Лена.

Воротов.

Молоков.

Марфа Лукинишна.

Чепраков.

Ширинкин.

Действие происходит в доме Засыпкина.
Сцена представляет ту же комнату, что и во втором действии.

ЯВЛЕНИЕ I

Засыпкин и Чепраков.

Засыпкин (сидит на диване, Чепраков стоит у дверей). Да подойди поближе... ну?.. (Чепраков делает несколько шагов.) Да иди же, ну, вот так повернись, а я на тебя посмотрю. Какой ты, братец, нынче франт стал: сюртучок с иголки, брючки, жилетка, галстучек... Да уж не жениться ли собрался?

Чепраков. Какая женитьба, Иван Тимофеич, да и предмет этот по нынешним временам чрезвычайно дорогой.

Засыпкин. Да и не стоит, ежели хорошенько разобрать. Как это пословица-то насчет чужих жен говорит?.. «Ходи по лесу да не хрястай, люби чужих жен да не хвастай». Аккуратная пословица. Нет, не женись, Чепраков, а то я, пожалуй, надену вот этакий же сюртучок, напوماжу головку, да к твоей жене и подсыплюсь мелким бесом. Чужое-то всегда слаще.

Чепраков. Извольте шутки шутить, Иван Тимофеич...

Засыпкин. Я-то?.. Да ты, брат, меня не знаешь: других поучу, как эти дела делают. А ты как думаешь, Чепраков, хитрый я человек или нет?.. Ведь шельма?..

Чепраков. Это точно, что... гм...

Засыпкин. Да, да... Кругом народ обманывал, всех из дураков в дураки ставил. Так?.. А вот только себя хитрее не быть, Чепраков... Над другими-то смешно, когда они перед тобой заячьи петли начнут выметывать, а сам-то и удавку себе на шею наденешь и своими руками тянешь ее за оба конца, а все думаешь, что этак-то, мол, ровно, лучше будет... Да ты чего стоишь-то, садись. (Чепраков усаживается на кончик ступа.) Теперь взять Анисю... Ну, что ома такое — девчонка-девчонкой еще, и довольно глупая девчонка, а как она всех окрутила — ничего не разберешь: то ли она уж очень хитра, свыше меры, то ли глупа... Теперь тоже вот этот Белоносов — засел он мне в башку, как железный гвоздь. Ну, да это все равно, а я жену покончу...

Чепраков. Что вы, Иван Тимофеич... как можно-с?.. Лучше прикажите, я Белоносову руки и ноги переломаю...

Засыпкин. С Белоносовым свой разговор — он не уйдет от нас... я насчет жены. Ну, убью ее, потом меня в суд, на подсудимую скамью... Поклонюсь на все четыре стороны народу православному: рассуди, честной народ, по совести... по-божескому...

Чепраков. Присяжные оправдают... Нынче суды легкие пошли, особенно кто жену убивает, то есть развратных ежели...

Засыпкин. Как ты сказал: развратных?.. Значит, и моя жена развратная?.. Да как ты смеешь?.. а?..

Чепраков (поднимается и начинает пятиться к дверям). Я-с... ничего-с, Иван Тимофеевич... Вы сами насчет убийства заговорили... я-с...

Засыпкин. Какого убийства?..

Чепраков. А насчет того, что хотите Анисю Тихоновну порешить за неверность... могу всегда даже на суде показать.

Засыпкин. Я тебе это говорил?.. не может быть?.. (Хватает себя за голову.) Ах, да, помню, помню... Тебе и быть-то вот здесь не следовало бы, в моем-то дому... а я еще с тобой разговоры разговариваю. Ну, зачем ты сюда при-

шел?

Чепраков. Сами велели, я и пришел-с... Вы насчет того, чтобы Анисью Тихоновну караулить.

Засыпкин. Ну, и видел ее с Белоносовым?

Чепраков. Точно так-с... Вчера вместе они по улице шли.

Засыпкин (смотрит ему в лицо). Вот что, Чепраков, очень уж ты глуп, братец, оставь меня одного. Ну, шли по улице: что из этого?

Чепраков (обиженно разводит руками). Это уж как будет вам угодно-с... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Засыпкин один.

Засыпкин. Да, остается одно: убить Анисью... (Вынимает из бокового кармана револьвер и рассматривает его.) Славная игрушка... (Прицеливается.) Бац — и все кончено. А потом... ну, потом напечатают в газете, что старик золотопромышленник Засыпкин застрелил молодую жену, пойдут разговоры... следствие. (Оглядывается.) Здесь неловко будет ее убить... кровь везде... Лена испугается...

О, боже мой, боже!.. (Хватается за голову.) Вот до чего дошел. Заманю ее лучше в Молоковский сад, к беседке... там, на дорожке, славный такой желтый песочек... Может, там она с Белоносовым целовалась, так уж заодно и смерть примет. Ах, Анисья, Анисья... Как закрою глаза, так и вижу ее мертвую-то: белая-белая, еще лучше, чем живая, а только где-нибудь на груди полоска крови. Впрочем, чего же бояться: дело решенное; чем скорее, тем лучше. Сегодня же...

ЯВЛЕНИЕ III

Засыпкин и Лена с работой в руках.

Лена. Ах, это ты, папа?
Засыпкин (неловко старается спрятать револьвер). Да, я... здравствуй, голубчик. (Целует ее в лоб.) Ну, что, как ты себя чувствуешь?

Лена. Я, папа, ничего... Папа, ты это что такое спрятал в карман?.. Мне показалось, что это револьвер...

Засыпкин. Да, револьвер... Купил недавно. Езжу на прииски, так, может быть, приго-

дится. Прощай, крошка.

Лена. Куда же ты, папа?..

Засыпкин. Ах, голубчик, некогда мне. (Целует ее.) Дел по горло... Ну, прощай. (Быстро выходит из комнаты.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Лена одна (сначала стоит несколько времени посреди комнаты, потом садится с работой на диван).

Лена. Все у нас в доме какие-то такие стали, ничего не поймешь: друг от друга прячутся, что-то скрывают... Может, это мне так кажется, потому что я и сама не такая, какой была раньше... Все боюсь чего-то... Бедный, бедный папа, если бы он только подозревал, какая я дрянная девушка! Таких прежде, говорят, закапывали живыми в землю... ух, страшно!.. (Вышивает.) А иногда мне делается как-то совсем все равно, никого не жаль, ни о чем не хочется думать, точно я сама умерла...

ЯВЛЕНИЕ V

Лена и Воротов.

Воротов. Здравствуйте, Елена Ивановна...
Лена (не смотрит на него). Здравствуйте, Василий Петрович...

Воротов. Что поделываете?

Лена. А вот вышиваю салфетку... Посмотри, какой славный узор: крестики, потом палочки, потом опять крестики — целая фигура и выйдет...

Воротов (наклоняется над работой и заглядывает Лене в глаза). Да, узорчик веселенький... и фигура выйдет. В том роде, как у меня в башке — тоже такие крестики да палочки... А что, Лена, я сильно изменился по-твоему?..

Лена (поднимает на него глаза). Да... кажется, изменился. Впрочем, я и сама хорошенько не знаю. Иногда мне кажется, что ты совсем меня не любишь, а иногда... вот когда так с глазу на глаз остаешься, так кажется, что любишь.

Воротов. А вот теперь, сейчас, Лена, люблю я тебя или нет?

Лена. Теперь?.. Да ведь это все равно, Вася, ты знаешь сам, что нашей свадьбе не бывать...

Воротов (обнимает ее). А ежели я этого захочу? А если я вот возьму тебя так, в охапку, да и унесу, далеко унесу... Лена, голубчик, видит один бог, как я тебя люблю!..

Лена (освобождается от его объятий). Нет, Вася, это ты сам себя обманываешь. Любил прежде, а теперь... Нет, Вася, я слышу это, сердцем своим слышу. Тебе иногда бывает жаль меня, ну, может быть, совесть мучит... А я этого не хочу: ты сам по себе, а я сама по себе...

Воротов (хватается за голову). Не то, ах! все не то, Лена, голубчик... Как увижу тебя, все во мне точно перевернется, сердце дрогнет, и так на душе хорошо сделается, светло... Плакать хочется, в глаза тебе смотреть. Ты чему это смеешься?

Лена. Так... смешное вспомнила. Нужно чаще смеяться, будет жить веселее. О чем говорить-то?.. Вон, посмотри, как я узор перемешала с тобою!..

Воротов (схватывает ее за руку и целует).

Елена Ивановна, простите меня, подлеца... и гоните меня с глаз долой, потому как я, по своей подлости, мизинца вашего не стою. Гоните меня... ни одному слову моему не верьте: обману, продам...

Лена. Вася, что ты, бог с тобой? Опомнись... ты нездоров...

Воротов (бросается перед ней на колени). Леночка, голубчик, гони меня... а то убежим куда-нибудь, вот сейчас убежим! Ах, что я болтаю: от себя не убежишь, от своей подлости.

Лена (закрывает лицо руками). Вася, Вася... Вон Анисья Тихоновна сюда идет, я не могу... я убегу (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Воротов и Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна (осматривается кругом).
Здесь кто-то, кажется, разговаривал?

Воротов (с сдержанной злобой). Да-с... это я разговаривал сам с собой-с.

Анисья Тихоновна (подходит к столу и берет оставленную Леной работу). А это, вероятно, ты вышивал тоже сам с собой? Ха-ха... И соврать-то человек не умеет толком.

Воротов (вырывает у нее работу и прячет в боковой карман). Не смейте прикасаться к этой самой вышивке... да-с...

Анисья Тихоновна. Вот как... это еще что такое?

Воротов. А такое... то самое, к чему вашим рукам и прикасаться не следует. Это Елена Ивановна вышивали-с... ихними чистыми пальчиками. Вот и все-с, а у нас с вами свои узоры... Я по вашему приказанию поступал преподло с Еленой Ивановной, как только можно поступить с девицей, надсмеялся над ними, а теперь казнюсь...

Анисья Тихоновна. И казись, потому что у тебя голова всегда была пустая. Выйдет за муж, венец все прикроет... велика беда!..

Воротов (бросается на нее с кулаками). Молчать, змея! сейчас задушу, своими руками задушу. Все равно — один конец!..

Анисья Тихоновна (старается обнять его). Вася, голубчик, миленький... ну, убей меня, сейчас убей!..

Воротов (отталкивает ее от себя). Отойди, сатана... Знаем, старая песня: и миленький, и сухой-немазанный... Какой я тебе миленький?.. Мне на белый свет глядеть тошнехонько... отравя ты всем нам, вот что!.. Ведь сейчас Елена Ивановна была здесь, каялся я перед ней, а ты зачем пришла?

Анисья Тихоновна. Соскучилась по тебе и пришла... Твоя-то Ленка всегда плаксой была, а теперь совсем обревелась. Эх, парень, парень, двойной твой разум: и девку жаль, и бабу не хочется отпустить... Да еще и баба-то тебе не по чину досталась. А по-моему, вот как нужно жить: семь бед — один ответ. А любить, так любить — горячо, до слез: старые будем, все замолим... Ну, что скажешь, Еруслан

Лазарич?

Воротов. Сняла ты с меня голову, Анисья: думаю одно, говорю другое, делаю третье... Не знаю даже, есть ли на всем белом свете другой такой подлец, подобный мне!

Анисья Тихоновна. Ну, запел... Да разве подлецы такие бывают?.. Ты просто тряпица, и больше ничего...

Воротов. Тряпица, а, однако, подлость устроил в полной форме... А она, Елена Ивановна, какая-то безответная: хоть бы слово, а глянет, так точно ножом по сердцу. (Бьет себя кулаком в грудь.) Ихняя кротость вот где мне сидит.

Анисья Тихоновна (ласкается). Будет, Васенька... ненаглядный мой, соколик ясный!..

Воротов. Опять: миленький, ненаглядный!.. Говорить вам со мной нечего, вот вы и твердите то же да по тому же, а я никакой любви в себе не чувствую. Разорвал бы вас и себя...

Анисья Тихоновна. Уйдем, Вася, отсюда, и конец делу... Вон Иван Тимофеич и револьвер купил, хочет в меня из револьвера стрелять.

Воротов. Револьвер, говоришь?.. А поз-

вольте узнать, куда мы уйдем?..

Анисья Тихоновна. Как куда?.. Ты уж должен это знать... ты — мужчина. Ну, в Нижний пока уедем...

Воротов (бессильно машет рукой). В Нижний?.. Нет, видно, таких мест для нас с вами не налажено, чтобы от своей совести можно было схорониться... В воду — одна дорога, а ты — в Нижний!

Анисья Тихоновна. Вздор... Уйдем завтра же. Слышал?..

Воротов. Не оглох...

Анисья Тихоновна. А то я одна уйду — пропадайте все здесь. Пусть плачут, убиваются, мне это и нужно. Ха-ха!..

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Марфа Лукинишна входит торопливо в сопровождении Ширинкина.

Марфа Лукинишна (размахивает руками).
Ох, убил! батюшки, родимые, убил на-
смерть!!

Ширинкин. Тихон Кондратьич из-под все-
дониму вырвались и в полной форме столар-
ню произвели: все в дому колотят... людей
разогнали...

Марфа Лукинишна. И едва живая ушла...
ох, батюшки, да чего же я-то буду делать?..
(Плачет.)

Анисья Тихоновна. Да говорите вы тол-
ком, ничего не пойму...

Марфа Лукинишна (строго). А ты что же
это, матка-свет, с матерью-то не здороваешь-
ся?.. От поклона голова не отвалится, а умнее
матери нехорошо быть...

Анисья Тихоновна. Извини, мама, я со-
всем не о том думала. (Целует мать.) Здрав-
ствуй, Харитоша.

Ширинкин. Да ведь мы сегодня разов сто

виделись с вами, Анисья Тихоновна... хе-хе!..

Анисья Тихоновна. Ну, значит, забыла... ах, не до того мне!..

Марфа Лукинишна. Чтой-то, Анисья, и в самом-то деле: забыла да забыла... Вертишь хвостом, а вот уж я доберусь до тебя. Плохо тебя муж учит, а выколачивал бы лишнюю-то дурь, так лучше было бы... Так я говорю, Харитоша?

Ширинкин. Право-с... я не знаю-с. Анисья Тихоновна — такие благородные дамы...

Марфа Лукинишна. А что же я-то, по-твоему, чем я хуже Анисьи, чтобы меня увечить... а? Родная моя дочь, мое рождение, вдруг сделалась благороднее матери. Что она шляпки носит да хвост прицепила, а муж содрал бы шляпку-то, да сгреб бы за хвост, да прямо по благородству...

Анисья Тихоновна. Будет, мама, надоело ваши глупости слушать. Всех на свете нельзя переколотить... Вася, ты сходи-ка к ним да посмотри, что там делается, а то от них все равно толку не добьешься...

Воротов. Я живой рукой... (Уходит.)

Ширинкин. Дело самое простое: из-под

вседониму вырвались Тихон Кондратьич, и теперь дом коромыслом... Сами с себя вседоним сняли и пошли чертить, только брызги летят. Кричат на всю улицу: «Не подходи... всякого убью!..»

Марфа Лукинишна. А этот проклятуший абвокат еще пуще идола-то моего смущает... пьянешеньки, хоть выжми, как грецкие губки.

Ширинкин (заглядывает в окно). Да вон они, легки на помине... прямо сюда на извозчике катят.

Марфа Лукинишна (начинает бегать по комнате). Ох, батюшки... да куда же я-то денусь от своего идолица!.. Даже ноженьки отнялись со страхов... разразит он меня. Думала, хошь здесь спрячусь, а он за мной... батюшки, да куда же я-то?..

Анисья Тихоновна. Харитоша, уведи ее куда-нибудь, ну, хоть к Мосевне.

Ширинкин. Слушаю-с. Марфа Лукинишна, пожалуйста-с...

Марфа Лукинишна. Ох, ве-ди, куды знаешь... Идол-то мой отвернет мне голову, как пуговицу!.. (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анисья Тихоновна, Молоков с Белоносовым.

Молоков (не замечает дочери). Что это за оказия, Белоносов, куды я только ни пойду — везде пусто. Издали видишь, как будто и человек стоит, а пришел — никого нет.

Белоносов. Это от страху перед вами народ расступается, Тихон Кондратьич... да-а!..

Молоков. Со страху?.. ха-ха!.. люблю!.. Будет, брат, мне сидеть под вседонимом... Три годика высидел, а теперь сокрушу!.. Всех сокрушу!.. И первого Ваньку изувечу, вот сейчас изувечу, потому столько он раз меня надувал... столько надувал...

Анисья Тихоновна. Никто вас не боится, тятенька, это только одно ваше воображение...

Молоков (обертывается). Что-о?! А, это ты, Анисья... Ну, и отлично, хоть один живой человек... Неужели ты меня не боишься?..

Анисья Тихоновна. Никого я, тятенька, не боюсь...

Молоков. Вот молодец-баба!.. Иди, я тебя поцелую...

(Целует ее.)

Белоносков. Позвольте и мне, Анисья Тихоновна, свою недостойную образину приложить к вашей ручке...

Анисья Тихоновна. Ну, уж извините... *(Брезгливо прячет руки за спиной.)* Вы теперь на лягушку походите: глаза слезятся, лицо светится... тьфу!..

Молоков. Ха-ха... Тут засветится рожа, когда мы закручиваем вторые сутки. Ай да Анисья, гони его, паршивца... Анисья, хочешь, озолочу? Прииск мы добыли с Белоносковым, да еще какой прииск... ха-ха-ха!.. Всех завяжем в один узел...

Анисья Тихоновна. Мне и своего золота по горло, папенька... Если бы вы раньше немножко догадались, а теперь поздно.

Молоков. Глупая: палка на палку нехорошо, а золото на золото не давит... Ну, а что твой-то сахар медович, куда он от меня спрятался?.. Испугался, небось... ха-ха!.. Скажи-ка ступай ему, Анисья, что, мол, гости тебя ждут.

Анисья Тихоновна. Хорошо, я сейчас...
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Молоков и Белоносков.

Молоков. Вот за это самое и люблю ее, за удаль... Небошь, живая в руки не дастся. Люблю... У них что-то с мужем-то, кажется, то-во?..

Белоносков. Совсем на ножах дело: старик-то ревнует, а она его пуще дразнит...

Молоков. Ай да Анисья, люблю! ха-ха... Пожалуй, Ваньке несдобровать, не по себе дерево загнул.

Белоносков. Сильно ссорятся... Иван-то Тимофеич все смешком да шуточками донимает, придавит и отпустит, как кошка с мышью, а Анисья Тихоновна в сомнении его держит. Своя политика, и весьма даже верная, потому что Иван Тимофеич теперь совсем закружился и не знает, на кого ему броситься. Сильно дичит... А знаете, это и со мной бывает, Тихон Кондратьич: как выпьешь, так и начнет казаться, что все куда-то едешь, едешь...

Молоков. А я так совсем наоборот: мне изломать чего-нибудь нужно... Вот и сейчас: так бы и хряснул всю эту Ванькину музыку. (Оглядывает мебель.) В щепы бы разнес...

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Засыпкин.

Засыпкин. Ах, папенька, как я рад!..

Молоков. Здравствуй, здравствуй, зятюшка... А вот мы пришли тебе неприятность сделать. Так, Белоносов?

Белоносов. Совершенно верно. Мы теперь вам покажем, как порок наказывается, а добродетель торжествует... (С важностью раскуривает сигару.)

Молоков. Валяй его, валяй... а потом я.

Засыпкин. Что же это вы, бить меня пришли?..

Молоков. А это, как уж найдет на меня: хочу помилую, хочу разнесу... в собственном твоём доме в щепы тебя расщепаю, Ванька.

Засыпкин. Очень приятно слышать... Говорят, вы, папенька, богатое золото нашли.

Молоков. А тебе на что? Опять околпачить

меня хочешь?..

Засыпкин. Нет, я так... Жаль мне вас, папенька, потому много вам будет лишних хлопот с деньгами-то.

Молоков. Не твоя забота, а у меня вон какой помощник-то (тычет на Белоносова), кругом шестнадцать рюмок осилил.

Белоносов. Ничего, могу-с...

Засыпкин. Что же это я, папенька, как-то не могу понять: что вам собственно нужно от меня?..

Молоков. Постой, постой, все еще не могу я рассердиться на тебя настоящим манером... Дома страсть что натворил: все вверх дном поставил, потом захотелось мне тебя отлупить. Всю дорогу сердился... Ну, приехал сердитый, а тут вот Анисья меня точно расхолодила — нету во мне настоящей злости... Сижу вот и стараюсь на тебя, подлеца, рассердиться, а сердца-то и нет.

Белоносов. Да ведь Иван Тимофеич вас под вседоним запытил?.. А потом прииски отнял?..

Засыпкин. Да, да... Потом дочь отнял... (Смеется.)

Молоков. Ванька, ты смеешься надо мной?.. (Поднимается.) Да я тебе разе игрушка дался... а?! Ну, каков ты человек есть?.. Повесить тебя мало, мошенника... а?.. (Машет рукой.) Нет, не могу никак по-настоящему-то... все Анисья виновата, рассмешила.

Засыпкин. Папенька, да вы не беспокойтесь напрасно: успеете еще как-нибудь после избить меня, а теперь не хотите ли закусить, выпить... У меня балычок есть свеженький, икорка.

Молоков. Белоносов, ты как полагаешь?

Белоносов. Да что же тут полагать: честь лучше бесчестья...

Засыпкин. Пожалуйте, господа, прямо в столовую, я там уж все приказал... я сейчас приду, за вами следом.

Молоков. Водки выпью, так, может, лучше рассержусь. (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Засыпкин один.

Засыпкин (оглядывается). Никого нет... Один... Нужно что-то сообразить, а перед глазами какие-то пятна, круги... Господи, как это тяжело!.. Посмешищем стал для всех... Куда это ум деваается у человека?.. Топчешься на одном месте, как оглушенный. (В дверях показывается голова Ширинкина и быстро исчезает.) Тошно... (Садится к столу.) Говорят, были в старину великие божий угодники, настоящие праведники, которые спасали даже самых великих грешников: душегубцев, безбожников, блудниц, разбойников... души человеческие спасали. Да... А я все-таки порешу Анисю: один конец...

ЯВЛЕНИЕ XII

Засыпкин и Ширинкин.

Засыпкин (не замечает Ширинкина). Господи, а как я любил ее!.. больше всего на свете любил... Как увидел я ее, когда она из Нижнего приехала, так даже свет из глаз выкатился, а теперь... (Смеется и плачет.)

Ширинкин. Иван Тимофеич, господь с вами, что это такое вы говорите?..

Засыпкин (вскакивает и опять садится). А... это ты, Харитоша. Как ты меня испугал!..

Ширинкин. Я-с... Вам нездоровится, Иван Тимофеич?..

Засыпкин. Мне?.. С чего ты это взял?.. Впрочем, должно быть, действительно нездоров. (Щупает голову.)

Ширинкин. По словам по вашим замечано-с, что вы как будто не в себе... нехорошие у вас слова-с, и смех тоже. Отлично бы теперь отдохнуть, Иван Тимофеич: малины испить, рюмочку водки и на боковую. Сейчас все воспарением пройдет.

Засыпкин. Воспарением?

Ширинкин. Точно так-с... Я всегда так делаю. Тоже вот мяты хорошо с липовым цветом, весьма способствует... полирует кровь-с.

Засыпкин. Способствует?.. А если у меня душа болит — и тогда помогает?.. Может, у меня там, на душе-то, ночь темная лежит... нет, хуже ночи. Я вот с тобой разговариваю про липовый цвет, а сам, может быть, думаю душу человеческую загубить...

Ширинкин (плачет). Иван Тимофеич... голубчик... зачем вы такие слова выговариваете?.. Грех вам большой-с за это самое будет. Надо богу молиться, вот напасть-то сама собой и отвалится, как старая короста. Все мы люди грешные, Иван Тимофеич, на всех на нас грехов-то, как черемухового цвету, а только надо прощать-с... всем прощать-с...

Засыпкин. Да ты грешил ли когда-нибудь, Харитоша?! Это тоже болезнь вроде запоя: все равно, как пьяницу первая рюмочка тянет... молитвы в человеке нет... сатана в нем сидит...

Ширинкин. Иван Тимофеич... голубчик... смириться надо, сердце свое утишить... сатане-то тогда нечего делать, как таракану в

нетопленной избе-с. Ей-богу. (Вытирает глаза платком.)

Засыпкин. О чем же ты плачешь, Харитоша?..

Ширинкин. Жаль... вас жаль, Иван Тимофеич!.. Разе я не вижу, как вы мучаетесь?..

Засыпкин (смеется). Нашел тоже, кого жалеть... ах, ты, Харитоша, Харитоша, глупый ты человек!.. Я тебя по миру пустил, а ты надомной же плачешь... Слышал? Да разве тебя одного! (Машет рукой.) Ну, это уж мое дело, а ты вот что, ступай и пошли мне Васю... Мне поговорить с ним нужно.

Ширинкин. Хорошо-с, он тут где-то вертелся. (Нерешительно останавливается в дверях.)

Засыпкин. Ну, чего еще стал?

Ширинкин. Я так-с... (Быстро уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIII

Засыпкин один.

Засыпкин (ходит по сцене). Нашелся же человек, который и меня пожалел. Те, кого любишь, петлю на шею наденут, а вот человека нищим сделал, да он же меня и жалеет. А Лена?.. Ну, она, конечно, поплачет... потом выйдет замуж и забудет про отца. Что такое думал сейчас?.. Да, Анисью убью, а потом себя... Помню Анисью, как она еще девочкой была, на руках нашивал, баловал ее, а теперь... Нет, не буду думать! скорее, скорее!..

ЯВЛЕНИЕ XIV

Засыпкин, Воротов и Ширинкин.

Ширинкин. Вот и Вася, Иван Тимофеич.

Засыпкин. Отлично... Ну, Вася, иди сюда, сядем рядком да поговорим ладком. (Усаживает его с собой на диване.)

Ширинкин. А мне, Иван Тимофеич, прикажете уйти-с?..

Засыпкин (гладит Воротова по спине рукой). Ну, Вася, нужно.

Ширинкин (усаживается на стул). Я вот тут на кончике. Посижу-с...

Засыпкин (гладит Воротова по спине рукой). Ну, Вася, нужно мне с тобой поговорить... Я тебя звал... Пстой, зачем я тебя звал?.. Ах, да, ты видел Анисью?

Воротов. Видел-с... то есть нет. Со вчерашнего дня не видал...

Засыпкин (укоризненно качает головой). Эх, Вася, нехорошо... Не научился, видно, ты еще обманывать-то. И Белоносова не видал?..

Ширинкин (вскакивает). Тихон Кондратьич пьяные-с спят на диване в столовой, а

Белоносов с Анисьей Тихоновной сидят в гостиной-с...

Засыпкин. Да, да, я знаю... Так и должно быть. Зачем ты, Вася, обманываешь меня, голубчик?.. Моих седых волос жаль?..

Воротов (смущенно). Я так, Иван Тимофеевич... сам не знаю, как сболтнул.

Ширинкин. А ты правду говори, Васенька, правда-то всегда лучше.

Засыпкин. Что же, я не скрываю ни от кого своего стыда... Анисья сама ищет себе любовников, сама свидания назначает. Пусть походят, пусть помилуются, а от моих рук не уйдут... Так, Вася?..

Воротов. Не знаю-с...

Засыпкин. Да это уж решено и подписано... А мне тебя, Вася, нужно вот на что: все мы — грешные люди, под богом ходим — сегодня жив, а завтра неизвестно. Понимаешь?.. Ну, дочь у меня одна останется... девушка она еще молодая, а посмотреть за ней некому... Мало ли что может случиться, на грех мастера нет... Так вот я и хотел попросить тебя, Вася... как родного сына... Васенька, голубчик, не оставляй Лену... (Вытирает глаза платком.

Ширинкин отвертывается лицом к двери и тоже вытирает глаза платком). Будь ей родным братом.

Воротов. Иван Тимофеич, что вы... точно умирать собрались.

Засыпкин. В животе и смерти бог волен: может, и умереть придется... А ты, Вася, дай мне великую клятву, что будешь хранить Лену, как зеницу ока. У меня больше никого нет, вся надежда на тебя... Так вот ты и поклянись, а Харитоша будет свидетелем.

Воротов. Да вы меня переживете, Иван Тимофеич... что вы в самом деле прежде смерти собрались умирать?..

Засыпкин. Нет, Вася, ты ничего не знаешь... (Вынимает из кармана револьвер.) Вот из этой штучки сначала уложу Анисью, а потом, может... (Воротов испуганно вскакивает.) Ты чего это испугался, Вася?.. А потом...

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Анисья Тихоновна быстро входит.

Анисья Тихоновна (хватает мужа за руку). Это еще что такое? Револьвер... батюшки, как страшно! Ха-ха... Да вы, Иван Тимофеич, кажется, совсем с ума спятили!..

Засыпкин (вырывает руку). Оставь!.. Не твое дело... ступай, откуда пришла, а то сейчас убью тебя, змею...

Анисья Тихоновна. Ну, бей... бей!..

Засыпкин (бессильно спускает руку с револьвером). Анисья... нет, мало тебя убить... слышишь: мало!!

Воротов (бросается на колени перед Засыпкиным). Иван Тимофеич... убейте меня... меня убейте!..

Анисья Тихоновна (старается зажать ему рот рукой). Васька... молчать!.. Вася... Васенька... опомнись, голубчик!..

Засыпкин (отталкивает жену). Нет, пусть говорит все... все!.. Вася, говори...

Воротов. Убейте меня, как собаку... я... я...

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Лена вбегает на крик, в дверях показываются испуганные лица Марфы Лукинишны, Мосевны, Белоносова и Молокова.

Лена (подбегает к отцу и хочет защищать собой Воротова). Папа, папочка... я тоже виновата... (Закрывает лицо руками.)

Анисья Тихоновна (толкает Воротова в плечо). Уходи, несчастный... слышишь?..

Засыпкин (отталкивает дочь). Прочь от меня... Елена, уйди!.. Не твое здесь дело...

Лена. Папочка... я виновата... я должна выйти за Васю...

Засыпкин (оглядывается кругом). Что такое? Где я?..

Воротов. Иван Тимофеич, я обманул Лену... и вас обманывал с Анисьей Тихоновной... (Указывает на нее.) Вот моя любовница... она научила меня, чтобы обмануть Лену и жениться на ней...

(Лена с криком падает, Ширинкин бросается к ней и старается поднять ее.)

Анисья Тихоновна (Воротову). Врешь, подлец! Я ничего не знаю...

Засыпкин (отводит ее в сторону). Анисья, постой...

Анисья Тихоновна. Я ничего не знаю... он все врет!..

Засыпкин. Анисья, будет... где я?..

Ширинкин. Слава богу, очнулась...

(Стоявшие в дверях лица окружают Лену и стараются ее увести.)

Засыпкин. Оставьте... не троньте!.. Где я?.. (Подходит к дочери и хочет опуститься перед ней на колени.)

Лена. Папа... папа... я не знала... я...

Засыпкин. Лена... Господи, что это такое? (Бьет себя кулаками в грудь и хватается за голову.) Идите сюда все... Анисья... Вася... Я один виноват... во всем виноват... мой грех...

Ширинкин (хочет увести его). Иван Тимофеич, господь с вами... опомнитесь!..

Засыпкин (вырывается). Мой грех... одна была у меня дочь, и ту загубил!.. Всю жизнь добрых людей грабил... двух жен уходил, хотел третью убить... простите!..

Занавес

1887

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликована в журнале «Наблюдатель», 1887, кн. X. При жизни автора была поставлена Екатеринбургским драматическим театром (премьера 10 ноября 1887 г.) и Русским драматическим театром Ф. А. Корша в Москве (премьера 18 декабря 1887 г.). Печатается по тексту журнала «Наблюдатель».

О том большом значении, которое придавал Мамин-Сибиряк театру, об огромном желании самому участвовать в его жизни говорят многочисленные письма Мамина-Сибиряка, ряд его произведений, посвященных театру, артистам.

Еще в пору учения в Екатеринбургской семинарии Мамин-Сибиряк страстно увлекался театром; это увлечение молодости он пронес через всю жизнь.

К написанию своей первой пьесы, «Золото-промышленники», Мамин-Сибиряк приступил уже зрелым художником, автором широко известных «Приваловских миллионов», «Горного гнезда», большого количества рассказов и очерков.

В Свердловске хранится рукопись, озаглавленная «На золотом дне». Драма в пяти действиях. На первом листе ее автограф — «Начато 13 февраля 85 г. Екатеринбург», в конце рукописи, также рукою Мамина-Сибиряка, написано: «16 мая 85 г. Екатеринбург». Это позволяет нам определить время начала работы Мамина-Сибиряка над пьесой. Текст рукописи в значительной мере отличается от того, который печатался в «Наблюдателе» и был поставлен на сцене. О дальнейшей работе Мамина-Сибиряка над пьесой свидетельствует другая рукопись, хранящаяся сейчас в ЦГАЛИ. Она озаглавлена: «Золотопромышленники», сцены в четырех действиях». Над заголовком написано: «Москва, 85 г., 30 августа». Это черновик с многочисленными исправлениями. После заголовка зачеркнуто «На золотом дне». Драма. Бытовая хроника». На 10 отдельных листах даны варианты.

О продолжавшейся работе писателя над пьесой и о завершении ее в сентябре 1885 г. говорят письма Мамина к родным.

Мамин-Сибиряк приложил много стараний для того, чтобы увидеть свое произведе-

ние в печати и на сцене, он обращался к редактору «Вестника Европы» М. Стасюлевичу, вел переписку с редактировавшим «Русскую мысль» В. Гольцевым, и только в октябре 1887 г. «Золотопромышленники» были напечатаны в журнале «Наблюдатель» А. Пятковского. «Золотопромышленники» были напечатаны также литографией Московской театральной библиотеки Е. Рассохиной (цензурное разрешение 27 декабря 1887 г.).

10 ноября 1887 г. пьеса была поставлена Екатеринбургским драматическим театром.

«В Екатеринбурге — центре Уральской золотопромышленности, — писала местная газета „Екатеринбургская неделя“ 22 ноября 1887 г. (№ 46) об этой постановке, — многие заинтересовались новой пьесой, в надежде — не списал ли Д. Н. Мамин свою бытовую хронику с „натуры“, т. е. не пустил ли кого-нибудь в „комедию“ из золотопромышленных деятелей». Рецензент «Екатеринбургской недели» дает пьесе в целом весьма невысокую оценку. «Несмотря на несомненное достоинство отдельных сцен, — пишет он, — нужно заметить, что в пьесе нет связи; каж-

дое действие стоит особняком; одно событие не вытекает из другого, и потому цельного впечатления пьеса не дает... многие лица являются на сцену без всякого повода и основания и выходят бледны и безжизненны».

На оценке, данной «Екатеринбургской неделей», несомненно, отразилось враждебное отношение редакции к Мамину-Сибиряку, который некоторое время сотрудничал в этой газете, а потом отказался печататься в ней по соображениям принципиального характера.

«Из Екатеринбурга нам сообщают... — писала о той же постановке петербургская газета „Сын Отечества“, — театр был полон. По окончании спектакля автора единодушно вызывали. Хотя комедия написана не совсем сценично: мало движения, а много длинных разговоров, но она несомненно имеет важные достоинства, т. к. в основу ее положена верная мысль, очерчивающая грехи „золотопромышленности“, проникшие в местное население и развращающие его» («Сын Отечества» 1887, № 313, декабрь).

«В Екатеринбурге пьеса г. Мамина имела

большой успех, как живая картина горнозаводских нравов», — писало «Новое слово» (21 декабря 1887, № 4244).

Все эти высказывания говорят о том, что первая постановка пьесы вызвала разноречивые толки и принесла ее автору не только радость, но и горечь.

Значительно больше было откликов прессы на постановку пьесы в Москве — в театре Корша. В общем суждения были сходны: почти всех рецензентов не удовлетворяло художественное воплощение общей идеи произведения, почти все они считали, что автор, талантливый и опытный беллетрист, еще недостаточно владеет искусством драматургической формы. Так, «Новое слово» писало, что в пьесе «сказалось и несомненное дарование автора и малое его знакомство со сценой. Главные характеры в „Золотопромышленниках“ не выдержаны и недостаточно ярко обрисованы. Пьеса страдает длиннотами, конец не удовлетворяет зрителя, потому что оставляет нераспутанными узлы интриги» («Новое слово», 21 декабря 1887, № 4244). «Пьеса Д. Н. Мамина (Сибиряка)... не сценична» («Новости

дня», 21 декабря 1887, № 350).

В рецензии реакционных «Московских ведомостей» говорилось: «Странность впечатления происходит от финала. Зритель никак не может понять, что же будут делать теперь все действующие лица пьесы, в какие отношения они станут друг к другу. Обманутый муж кланяется в ноги обманывающим его жене и воспитаннику, просит у них прощения, говорит, что виноваты не они, а он. Зритель не постигает, в чем виноват этот муж... Совершенно непонятно также, почему это пьеса из горнозаводской сибирской жизни. За исключением названия „Золотопромышленники“, в ней нет даже упоминания о горнозаводской сибирской жизни» («Московские ведомости», 21 декабря 1887, № 351). Несколько доброжелательнее была заметка во «Всемирной иллюстрации» (1888, № 991): «В пьесе чувствуется еще недостаток в умелом применении разнообразных условий, наивыгоднейше действующего сценария, но зато фабула ее имеет несомненно реальную подоплеку, и действующие лица являются в ней не манекенами, а прямо выхваченными из жизни... Автор, долго жив-

ший в Сибири, знакомит нас в своей пьесе с бытовыми особенностями тамошних золото-промышленников. Пьеса эта вызвала несомненный интерес и имела успех».

С некоторыми соображениями, высказанными современной Мамину-Сибиряку пресой, нельзя не согласиться. В пьесе действительно имеются длинноты, конец ее не оправдан всей логикой произведения. Тут дело не в том, что зритель не понимает, в чем виновен Засыпкин, в чем он просит прощения, как писали «Московские ведомости», вина его ясна — вся его страшная жизнь дает на это ответ; странно другое — почему этот законченный, опытный мошенник и преступник вдруг оказывается наделенным столь хрупкой душевной организацией, почему он не выдерживает столь обычного в его жизни обмана.

Ленинградский государственный академический театр драмы имени А. С. Пушкина, ставя пьесу, прибег к некоторому нарушению авторской воли и придал ей иную сценическую завершенность. Засыпкин здесь не раскаивается, не просит прощения, а убивает

Анисью.

Подробно о драматических произведениях Мамина-Сибиряка, о творческой истории «Золотопромышленников» см. статью Е. А. Боголюбова «Драматические произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка» (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в двенадцати томах, т. 6, Свердловск, 1949).

Н. ЗОЛИНА